

СМЕНА

№ 16 (1398) АВГУСТ 1985

ISSN 0131-6656

СТАХАНОВЦЫ 80-х.

**СЕМЬЯ
И ДЕТИ.**

ПРЕДЛАГАЮТ
МОДЕЛЬЕРЫ ГДР.

50 лет назад шахтер Алексей Стаханов нарубил за смену 102 тонны угля вместо 7 по норме. Он продемонстрировал всему миру, на что способен в созидательной работе советский человек. Какие возможности ускорения открывает четкая, продуманная организация труда, самодисциплина. Этот трудовой подвиг воплотил в себе лучшие черты трудящегося человека социалистического общества. Движение стахановцев схватило всю страну. И в первых его рядах шел комсомол. Стахановские традиции живут сегодня в делах лучших представителей советской молодежи, перед которой стоят ныне ответственнейшие задачи, диктуемые временем, потребностями нашей экономики, всего нашего общества. Ускорить наше движение по силам сегодня тем, кто по-стахановски вкладывает себя в работу, по-стахановски организует дело.

Навстречу XXVII съезду КПСС

ЧЕСТНАЯ

Олег АКИНШИН,
бригадир проходчиков
шахты «Воргашорская»,
обладатель
Всесоюзного приза
имени Алексея Стаханова,
лауреат премии
Ленинского комсомола

правь. Пусть даже это вроде тебя и не касается, не поленись.

Бытует среди нас такая профессиональная шутка: есть у шахтера любопытный инструмент — лопата с кнопкой, нажал на кнопку — спина мокрая... Я так думаю: честная работа без пота и не может быть.

Мы работаем в три смены. Первая — ремонтная, основная, должна все приготовить для других: проложить железнодорожные пути, нарастить ленту конвейера, устранить все неисправности у комбайна, проверить коммуникации и так далее. То есть от ремонтников напрямую зависит производительность труда всей бригады. И вот был случай. В забой на конвейере в так называемых лодках везли материалы. Наши же ребята. И лопнула цепь на конвейере. А первая смена заканчивалась. Из шести человек трое остались ремонтировать конвейер, а трое ушли. Пусть, мол, вторая смена доделывает. Пришла вторая смена, закончила ремонт, но дневного плана не дала — не успели. Ребята возмущались. Мне тоже было не по себе. Пошел я к директору. Мы не хотим, говорю, чтобы эти трое оставались в нашей бригаде. Может, наше решение было слишком жестким, но зато честным. На следующий день вышел приказ — их перевели на другой участок... Признаюсь, мы о них не жалели. Без дисциплины и взаимовыручки и на земле-то трудно, а под землей просто нельзя. Вся организация труда и соревнования у нас именно на это и направлена. Так, например, бригада или участок могут заключить с администрацией договор, который называется «Коллективная моральная и материальная ответственность за состояние дисциплины». Каждый берет на себя — добровольно — ответственность за коллектив. В течение года ни разу не допустить серьезного нарушения дисциплины. Один просчет — вся бригада лишается двадцати пяти процентов месячной премии. Ну, а если в течение года все работали без замечаний, администрация выплачивает нам премию — сорок процентов тарифной ставки. Но дело не только в деньгах. В честности каждого перед собой и коллективом — вот в чем дело. А коллективная ответственность — великая сила. Раньше было: проспал — иди в другую смену, как будто ничего не случилось, вроде это никого не касается, только тебя самого. Теперь же, когда работаем на единый наряд и заключаем коллективный договор, попробуй опоздай — всех подведешь! Однако можно и не опоздать, но не сильно утруждаться. Тут и срабатывает коллективная ответственность: это такое сито, через такие ячейки просеет, что все «инородные тела» останутся на поверхности.

Рано утром, когда мы спускаемся в забой и друг за другом быстрым шагом идем к месту работы — а проходим не один километр, — успеваешь о многом подумать. Вот впереди меня топает сапогами Валя Довгаленко. Побольше бы таких ребят. Из шахтерской семьи, приехал с Донбасса. Он у меня, наверно, самый добросовестный и к тому же самый скромный. Будет с ног валиться, но виду не подает. Его и не просишь — плечо подставит. Вот это и называется честной работой.

Сзади наступает мне на пятки Боря Важинский. Тоже из тех, о ком я с гордостью говорю: «Мои люди!» На них я всегда могу положиться. Иногда сам чего-то не заметишь, на что-то внимание не обратишь — ребята всегда подскажут. Был у нас момент в бригаде, когда двое рабочих — опытных уже проходчиков — стали меньше работать сами и больше указывать другим. Этими неофициальными заместителями сделались. Честно говоря, я какое-то время не замечал этого. Но чувствую, что-то не то

ДИСПЕТЧЕРСКИЙ ПУЛЬТ — ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ ШАХТЫ.

Был я как-то по делам в профкоме шахты и стал свидетелем такой сцены. Распахивается дверь, входит парек и прямо с порога:

— Что это у вас тут за порядки такие!! Невозможно работать! Вы вот должны за интересы рабочего класса, так защищайте!..

— А что случилось! — спрашивает его.

— А пусть представитель профкома спустится в забой да поглядит, что случилось!.. Это кто ж такой темп выдержит!! Пять минут посидеть не дадут!..

— А вы у нас на шахте давно!

— Да уж две недели!

— У кого в бригаде!

— Да у какого-то Сахарова!..

Ну, тут все, кто был в кабинете, не смогли сдержать улыбок, глядя на этого «защитника» интересов трудящихся. Дело в том, что «какого-то Сахарова» в Воркуте знают все. Ибо Анатолий Михайлович Сахаров — опытный бригадир, один из лучших проходчиков страны, заслуженный шахтер РСФСР, делегат XXVI съезда КПСС, Герой Социалистического Труда. И мой учитель.

Мы попытались объяснить новичку, что темп, в котором трудится бригада Сахарова, нормальный для «Воргашорской» шахты темп — таков стиль нашей работы. Приглядишься повнимательней к нашим условиям и порядкам, разберешься во всем, а уж потом делай выводы. Посоветовали ему попробовать просто честно работать. Не будет получаться поначалу — помогут. Не дотянет сейчас — наверстает в будущем. И вообще у нас — Заплярье, шахтерский труд нелегок, на это и надо было рассчитывать, когда ехал к нам. Если такое положение дел не устраивает, держать не будем, дефицита рабочих рук у нас нет.

Я и сам не коренной воркутинец, приехал сюда из Днепропетровска восемь лет назад. Свой первый день в забое запомнил на всю жизнь. В звене, куда я попал, были проходчики со стажем по двадцать лет. Вот уж они меня погоняли!.. Я так намахался кувалдой, забивая «костыли» в шпалы, так набегался, таская детали тяжелых арочных рам, что на следующее утро пришлось собрать все силы в кулак, чтобы побороть усталость. Лишь через месяц пришел в себя. Однако работа мне понравилась сразу, ритм напряженный понравился — чувствуешь, что настоящее дело делаешь. Шахта понравилась, размах работ, новейшее оборудование, порядок под землей. Конечно, не только бегать меня учили. Прежде всего честно работать. Видишь непорядок — ис-

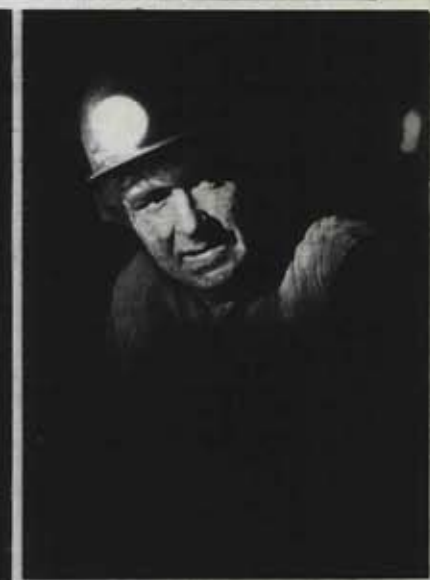
ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС ПЛАНЕРКИ.

СЛОВО БРИГАДИРА
ОЛЕГА АКИНШИНА
РЕШАЮЩЕЕ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

творится в бригаде. Подхожу к Боре Важинскому, спрашиваю: «Как, потвоему, все у нас в порядке!» А он говорит: «Обрати внимание на тех, кто больше проявляется в горлодерстве, а не в работе». Присмотрелся: действительно, командуют мои «замы» — только пыль стоит. Подай да принеси! Высказал я им все начистоту, они в амбицию: «Мы не пацаны, нечего нас учить». А для меня самое важное, как работаешь, честно ли! Я им так и сказал: это не только мое мнение, так считает бригада; будете работать — работайте, нет — нет. Они ушли. Мы их не принуждали, они сами сделали выбор. Но зато те, кто остался, — надежнейшие люди.

Недавно одна бригада проходчиков за сутки прошла шестьдесят пять метров. Мы собрались, поговорили, вспомнили стахановские рекорды, загорелись: покажем, на что мы способны! Организовали точную проходку. Вот была работа!.. Из-за перегрузки порвались цепи конвейера, сломался домкрат у комбайна. Ремонтники на ходу. Зато как работали ребята!.. Какой азарт! Не могу сказать, что в будни они работают без огонька, но в день рекордной проходки!.. Первая смена оставалась помогать второй, вторая — третьей... Правда, по «техническим причинам» рекорд мы не побили, прошли почти пятьдесят метров [четыре нормы]. Могли бы больше, да техника пока не справляется. Зато ребята поверили в себя еще больше. Можем! Многое можем. Недаром миллионы тонн добываем. Производительность труда на шахте только за прошлый год выросла на 4,8 процента, а себестои-

мость добываемого угля снижена на 2,5 процента. В основном это, конечно, за счет высокой механизации — у нас действует система автоматизированного управления технологическими процессами, компьютеры стали уже привычными, в лавах работают надежные маневровые комбайны отечественного производства. И уровень механизации постоянно растет.

В этом году нашей шахте исполняется десять лет, и мы решили выдать шесть миллионов тонн угля [проектная мощность — четыре с половиной], а пятилетку закончить к юбилею стахановского движения. Эти обязательства реальные. Потому что взяли их люди убежденные, получающие удовольствие от самого процесса труда, от сознания его полезности. Так могут работать только честные люди. Честные перед собой и другими. За то им и честь, и слава. Так было и тогда, когда зарождалось стахановское движение, так должно быть и сегодня. Добьемся мы от каждого честной работы — все сложнейшие задачи по ускорению нашего движения вперед, поставленные партией, будут выполнены.

РАБОТА

Письмо молодого рабочего

Всегда с особым вниманием читаю в журнале материалы о бережливом отношении к народному добру, о новых экономических технологиях. Ведь нельзя оставаться спокойным, зная, что многие научные разработки, прогрессивные проекты так и не находят себе применения на производстве. И как в горах так называемых промышленных отходов пропадают миллионы народных рублей.

Сам я родом из Сибири. Большую часть жизни прожил в Забайкалье. Сейчас работаю на строительстве БАМа, Читинского участка магистрали. Одной из ведущих отраслей Читинской области, вообще Сибири была и есть лесная промышленность. Лесодобыча, конечно, дело очень нужное. Но давайте посмотрим внимательнее на издержки лесного промысла. Посетим хотя бы несколько из многочисленных лесопрохозов, расположенных вблизи железных дорог за Уральским хребтом. То, что мы увидим, мало назвать расточительностью... Слишком мягко. Здесь сердце содрогается, а душа болит.

При посещении лесопромышленных комбинатов может сложиться мнение, что вы не в Сибири, а среди многочисленных скифских курганов, оставленных нашими древними предками. Но в курганах, окружающих лесопилки, раскопки можно не делать — издали видно, что это и бревна, и всевозможные доски, и раскряжеванные кругляки, бруски и сучья, и все это, как правило, присыпано толстым слоем опилок, смешанных с землей. Это все отходы. Но разве нельзя найти им применения? Если считается, что переработка горбыля в деловую обделочную рейку дело хлопотное, то почему не запустить рядом с лесоразделочным цехом дробильный, где отходы перерабатываются бы в щепу? Добавить клейкий раствор, и — в формовочный и сушильный цеха. В результате исключительная по качеству и прочности дефицитная древесностружечная плита. А почему опилки, мощным потоком вырывающиеся из вытяжной трубы, сбрасывают бульдозером в огромные горы и жгут? Они с успехом могли бы пойти на изготовление древесной плиты. Из этих отходов можно извлекать ценнейшие синтетические смолы. Затраты на устройство подсобных цехов окупались бы с лихвой. Но... Народное добро пропадает на наших глазах.

Когда этому будет положен конец? Может быть, тогда, когда с лица Земли исчезнут лесные массивы? Но тогда исчезнем и мы.

Поверьте, все это наболело... Надо что-то делать, горючиться.

Евгений СРЕДНИХ,
строитель

Получив это письмо, мы ознакомили с ним работников Минлесбумпрома и собственного корреспондента газеты Главбамстроя «БАМ» Игоря Матвеева.

Официальный ответ

Минлесбумпром СССР рассмотрел вопросы, изложенные в письме тов. Средних Е. в журнал «Смена».

Рациональное использование древесины и древесных отходов — одна из важных задач, которую в настоящее время решают предприятия министерства. За последнее время на предприятиях министерства действовало 740 цехов мощностью 12 240 тысяч кубометров по производству технологической щепы из лесных отходов. Щепы используется для производства бумаги, картона, древесных плит и гидролизного производства. За 1984 год произведено для нужд только бумажной промышленности 9400 тысяч кубометров технологической щепы из дров и отходов лесозаготовок и деревообработки.

Принимаются дополнительные меры по повышению эффективности использования древесины и ее отходов в народном хозяйстве.

Планируется увеличение выработки технологической щепы из древесных отходов для целлюлозно-бумажного, гидролизного производства и изготовления древесных плит.

Определено значительное увеличение производства древесностружечных и волокнистых плит.

Приказом министра предусмотрено строительство [реконструкция] в местах лесозаготовок более 50 цехов малой мощности по переработке древесных лиственных пород на основе комплексной безотходной технологии, а также предусмотрен ряд других мероприятий, направленных на рациональное использование древесины и ее отходов в народном хозяйстве.

Н. С. САВЧЕНКО,
заместитель министра

Свидетельство очевидца

Наш МИ-8 перевалил через восточные отроги Удакана в тот момент, когда солнце бросило свои первые лучи на Кодарский хребет. Второй пилот повернулся ко мне и восторженно закричал:

— Видишь, а? Видишь?! Сколько летает сюда, а все не посмотримся!.. Смотри! На всю жизнь смотри. Не ровен час — не останется красоты...

Впереди лежала зимняя долина, отливая темно-синими и сиреневыми оттенками; миражами пульсировали контуры речных петель, бледно-голубые пятна озера оттенялись пушистыми, как водоросли, линиями редких лесов. С севера эту фантастическую

картину обрамляла взметнувшаяся над долиной заснеженная стена кодарских клыков, иссеченная густыми синими тенями провалов.

Из-за одного только Кодара можно на всю жизнь влюбиться в это удивительное место — Чарскую долину. Но и сама долина великолепна во все времена года. С весны и до самой зимы она ошеломляет богатством красок и контуров: изумрудные мари, нежно-зеленые лиственницы, словно позолоченные сосняки, и среди всего этого великолепия — сотни озер и озерков с прожилками рек и ручьев пронзительно синего цвета. А у отрогов Кодара — ярко-желтые дюны и барханы — кусочек самой настоящей пустыни!

Да, в прекрасном месте выпало жить бамовцам. Тем, кто будет работать на магистрали, осваивать богатства Чарской долины. Есть где проложить туристские тропы, посидеть с удочкой, покупаться, подышать целебным воздухом сосняков.

Так в декабре 1979 года рисовалось будущее. Прошло пять лет...

— Скорее всего не придется бамовцам природой здесь наслаждаться, — говорит главный лесничий Чарского лесничества Михаил Алексеевич Гринь. — Все доступные и пригодные для купания и отдыха берега рек и озер скоро могут превратиться в свалки битого стекла, консервных банок и бумаги, как превратился в такую свалку замечательный берег озера, что на восьмом километре от Чары. Но хуже всего то, что нарушен экологический баланс долины: лес на грани уничтожения.

Преувеличение заинтересованного лесничего? Вот что говорят цифры: площадь Чарской долины приблизительно 800 тысяч гектаров, лесистые площади составляют 60 процентов. Но к ним относятся и мелколесье, и сухостой, и полукустарниковый подрост. А то, что мы называем лесом, занимало в долине к 1980 году площадь

к законам об охране окружающей среды и лесопользования.

Сегодня можно подвести некоторые итоги первого этапа строительства железной дороги в Чарской долине. Рельсы уложены здесь досрочно, дорога работает. Дорога в тайге. А как здоровье тайги?

Первые десанты — всего десятки человек — сразу начинали с вырубкой: расчистка площадей под строительство поселков, заготовка древесины для отопления и строительства, вырубка просек под авто- и железную дороги, ЛЭП. Пропорционально увеличению численности строителей росли поселки и увеличивались объемы вырубкой.

И сейчас в некоторых местах вдоль железной дороги, автодороги, ЛЭП гниют штабеля и завалы леса. Много леса на просеках просто сжигалось. А им можно было отапливать поселки. По существующим правилам на лесосеках весь сухостойный, больной, ветровальный лес надо вырубать, оставляя недоспелые и самые крупные, семенные деревья (для воспроизведения леса, который растет здесь до полной спелости 200—250 лет). Можно было деловую древесину пускать на пиломатериалы, а остальную сва-

НАМАМБ

менее 30 тысяч гектаров. (Спелые же леса — всего 13,5 тысячи гектаров.) Объем деловой древесины при этом составлял 1365 тысяч кубометров. К концу 1984 года запас спелых лесов в долине был уже около 830 тысяч кубометров. Таким образом, в Чарской долине при таких темпах «к 1990 году не останется спелого леса и охотфауны...» — явствует из пояснительной записки главного лесничего.

Но, может быть, все не так страшно? Да и спелый лес будет сведен всего на одной шестой части долины?

— Если бы так, — вздыхает Михаил Алексеевич. — Эта «одна шестая» и была тем необходимым минимумом для существования биосферы и равновесия экосистемы долины. Ведь здесь природа легкоранима. А экологическое равновесие в ней складывалось тысячелетиями. Верхний слой почвы — мизерный, разрушается от малейшего прикосновения. Под ним — мерзлота. Повредишь верхний слой — начинается оттайка и появляется излишняя вода, которая заболачивает огромные пространства или начинает сокрушительную работу по размыву почвы. Гусеничный след на склоне — это неизбежный овраг глубиной до 15 метров уже через пару лет. Лес же скрепляет тонкий верхний слой. Он выполняет и функцию естественного насоса, выбрасывая в атмосферу избыточную влагу из почвы. Особенно важен спелый лес по берегам рек долины. Вырубка его в масштабах долины приведет не только к тяжелейшему экологическим последствиям, но и весьма ощутимо затронет жизнь и деятельность людей. Впрочем, уже затрагивает. Расплачиваться приходится за пренебрежение

ленную, — на дрова. Но бамовские организации этим правилом часто пренебрегают. Поэтому нередко ценный деловой лес вместе с семенными деревьями до сих пор идет в топку. Мало проводится противопожарных мероприятий — не сжигаются сучья и верхушки после разделки стволов, не вывозится срубленный лес. И летом высохшие кучи древесины образуют многочисленные и мощные очаги пожаров. Проконтролировать работу всех лесорубных бригад в Чарской долине невозможно: по нескольку делан имеют здесь 12 только бамовских организаций. «Там, где успеваем, — говорит Гринь, — заставляем выполнять технологию лесоповала. В остальных случаях штрафует. Десятки тысяч рублей штрафов. И что же? Платят с поразительной легкостью. Ведь не из собственного кармана платят... Нельзя не сказать и о незаконных порубках, которые постоянно ведут подразделения «Бамстройпути» и треста «Бамстроймеханизация». Особенно механизаторы отличаются. В Чарском ключе, около поселка мехколонны № 148, с северной стороны уже пустыня: в прилегающем к поселку лесу вырублены все лучшие деревья. Похозяиничала на перешейке между озерами Леprinдо мехколонна 158: около трех тысяч кубометров строевого, в два обхвата, леса истреблено. Это при том, что мы в долине такие деревья поштучно считаем! 2830 деревьев спилили на дрова в мехколонне 155, что стоит в Икабье. И все вдоль реки! Но из суммы штрафа в 6,5 тысячи рублей виновные заплатили всего 600.

А возьми карьеры!.. Лес и почвенный слой в большинстве случаев про-

сто сгребались бульдозерами в сторону. Причем многие карьеры были «подпольными». В Чарской долине почти две сотни карьеров, и на них потеряно более десяти тысяч кубометров хорошего леса. Сегодня 90 процентов карьеров уже покинуты...

А качество проектировки искусственных водопропускных сооружений? Видели, около Новой Чары озеро образует, захватившее сотни гектаров? Оно не единственное в долине, возникшее из-за плохо спроектированных водосбросов, водопропускников. Скоро вдоль трассы под воду могут уйти тысячи гектаров тайги. И лес там сгниет на корню. А чем заводнение обернется для железной дороги?..»

Не стужает ли краски главный лесничий? А что скажет директор Чарского лесхоза? Увы, Е. Г. Борисенко не добавил светлых красок:

— Главный лесничий рассказал вам о самых вопиющих нарушениях. А «мелкие» сплошь и рядом. Он не рассказал, что здесь в отходы идет 70 процентов древесины, в то время как общесоюзная норма — 40 процентов. Почему? Все, что остается от раскряжевки бревен, сжигается. Хотя у нас в стране давно есть и ус-

четыре подразделения «Бамстройпути». В четырех бригадах имеется необходимая для валки и вывоза леса техника. Распиловка идет на четырех разных пиломатериалах. Отходы распиловки иногда идут в топку котельных, чаще гниют в надвигаемых бульдозерами буртах. Горы гниющих отходов пиломатериала можно наблюдать и на промбазе другой организации — «Казахбамстрой». Ведет заготовку леса еще одна новочарская организация — мехколонна 151. Итак, шесть лесозаготовителей в одной только Новой Чаре.

Какова же судьба дерева, «поху-девшего» при выходе из пиломатериала на 70 процентов? Побывайте здесь на строящихся объектах, и вам станет ясно, как много пиломатериалов разбрасывается, разворовывается, втаптывается в землю, размалывается колесами машин и сжигается в кострах. Не слишком ли это накладно?..

— Вопрос сохранения леса? — изумляется заместитель начальника управления «Бамстройпуть» по производству С. Н. Петров. — Это надуманный вопрос. Его не существует. Потому что в Чарской долине леса не было, нет и не будет!

— Но, Сергей Николаевич, может

района. Между тем на всех без исключения собраниях, конференциях, слетах, во всех постановлениях, призывах, рапортах комсомольцев Читинского участка Байкало-Амурской магистрали говорится о благополучном развитии движения «Я — хозяин стройки».

Впрочем, может быть, и не стоит принимать всерьез судьбу небольшого клочка земли, зажатого среди двух хребтов? Что он в масштабах Забайкалья, БАМа, всей страны?

— Чарская долина — это уникальнейшее природное явление, — говорит директор Удоканской восьмилетней школы, активный член общества охраны природы А. Н. Мальцев. — Многие представители ее флоры и фауны эндемичны, то есть встречаются только здесь. Например, в озере Леприндо, обладающем такой же редкой флорой и фауной, как и Байкал, водится достигающий 15 килограммов веса голец — давнчан из семейства форелевых. Он больше нигде не встречается, занесен в Красную книгу. Тридцатиметровая чозения — реликтовое растение, тоже нигде больше не встречается. Вредных чозениевых рощах — целый набор эндемичных растений. До сих пор ученые не могут найти разгадки еще одного феномена Чарской долины: здесь встречаются лиственницы с переориентированными годичными кольцами, которые с северной стороны толще, чем с южной.

Прекрасны водопады Сулумата, лечебные термальные источники не вдалеке от Чапо-Олого, непередаваема красота Мраморного ущелья, удивительно красива река Чара.

И, наконец, еще одно уникальное явление природы — Чарские пески. Это самая настоящая пустыня с ярко

выраженным пустынным ландшафтом из тридцатиметровых барханов и дюн. Нет больше в стране такой пустыни на вечной мерзлоте.

Это далеко не все, что можно рассказать о Чарской котловине. Ее, эту жемчужину Северного Забайкалья, надо беречь как зеницу ока.

Круг интересов Мальцева можно очертить так: школа, краеведение, охрана природы. Причем он считает: все три компонента находятся в самой непосредственной и живой взаимосвязи.

— Как же иначе? — горячится он. — Задачу воспитания подрастающего поколения считаю сегодня главной. Надо воспитывать ребят настоящими хозяевами своей земли.

Мальцев создал школьный краеведческий отряд «Глобус». И не случайно, наверное, половина его учеников — активные члены отряда.

— Что меня больше всего радует в деятельности «Глобуса»? — продолжает Мальцев. — Осознанность и твердость гражданской позиции ребят, их непримиримость к бездумному отношению к природе. Но сейчас становится все труднее поддерживать в них это гражданское горение. Слишком много стало появляться «антифактов»...

Поверьте, иногда очень непросто отвечать на жесткие вопросы ребят, обращенные ко мне, педагогу. И хотя за своих я спокоен, но ведь на Читинском участке несколько тысяч школьников. И они, не подготовленные критически осмысливать повседневные примеры «общения с природой» взрослых, просто будут им подражать. Уже подражают...

Игорь МАТВЕЕВ

ПРЕЧЬ!

пешно работают передвижные агрегаты, прямо на делянках превращающие сучья и верхушки в топливные брикеты, хвою — в витаминную муку. У нас же об этом пока и мечтать не приходится.

А что может лесхоз, если областное управление лесного хозяйства держит его «в черном теле»? У нас не хватает почти половины положенных по штату сотрудников, потому что выбить здесь жилье для них — задача почти неразрешимая. На такой огромный район (Чарская котловина — только часть нашей территории) нам выделены один гусеничный вездеход и ГАЗ-69 послевоенного производства. На год выделялось крайне мало горючего.

Работа наша осложняется еще тем, что она не находит принципиальной поддержки у местных властей. Более того, нас иногда просто одергивают, как это произошло в случае с начальником мехколонны 148, на которого мы передали еще в начале прошлого года в транспортную прокуратуру иск на сумму в 30 тысяч рублей. На протяжении нескольких лет виновные в истреблении леса не выплачивают штрафа.

Мы не раз предлагали централизовать заготовки леса хотя бы в бамовских организациях. Это дало бы возможность иметь дело с ограниченным количеством бригад лесорубов, находящихся под единым началом, и помогло бы не только контролировать вырубку леса, но и вести обучение бригад правильной технологии лесозаготовок. Но и на эти предложения руководство района не откликнулось.

Заготавливают лес в Новой Чаре

быть, именно потому, что леса здесь очень немного и надо бы его побережь? Хотя бы памятуя о людях, которым здесь потом жить?

— Да что тут беречь? Мари, чапыжники да сухостой?!

Вот так, и не больше ни меньше! Слово в течение пяти предыдущих лет деловой лес, которым отапливались дома, мосты, ЛЭП (более полумиллиона кубометров древесины), упал с неба, а не был взят в Чарской долине. И словно не осталось в ней еще пригодного к эксплуатации лесфонда, который будет неминуемо использоваться. Однако если и дальше к лесу относиться с позиции руководителей «Бамстройпути», то действительно через несколько лет вопрос о лесе в Чарской долине снимется сам по себе.

Может быть, у комсомольцев другая позиция?

— Что-то у нас было в планах по охране природы, — говорит Светлана Тищенко, секретарь комитета комсомола «Бамстройпути», — что конкретно, затрудняюсь сказать. Да нет, не могу найти эти документы. Хотя вот: мы участвуем в движении «Я — хозяин стройки». И еще вспомнила: однажды наш «КП» из Икабьи обнаружил незаконную порубку леса вдоль речки и сообщил об этом в лесничество...

(После того, как там было спилено почти три тысячи деревьев!)

Остается добавить, что комитет комсомола находится в трех десятках метров от штаба ЦК ВЛКСМ на Читинском участке БАМа и в трехстах метрах от РК ВЛКСМ Каларского

Комментарий редакции

Письмо молодого рабочего Евгения Средних, материал журналиста И. Матвеева — свидетельства бесхозяйственного отношения к лесу, дружки природным богатствам.

Лес — единственный возобновляемый источник сырья. Может, поэтому подспудно и складывалось такое отношение к нему: мол, раз он сам по себе растет, нечего особенно и беспокоиться. Все равно взамен уничтоженного дерева поднимается другое. При этом как-то забывалось, что лес растет десятки и сотни лет, что нарушение экологического равновесия не проходит бесследно... Сейчас отношение к лесу меняется, но еще сказывается инерция старых привычек и представлений — иначе чем объяснить бессмысленное истребление древесины?

Здесь уместно будет сказать об опыте лесозаготовителей Карелии. Практически на всех предприятиях республики в дело идет буквально все — от корня дерева до его вершины. Много ценной и прибыльной продукции дает каждое дерево. В Карелии доказали, что при желании, настойчивости можно организовать рациональную переработку природных даров. К сожалению, карельский опыт пока не получил широкого распространения.

В официальном ответе министерства сообщается о мерах по рациональному использованию леса, древесных отходов. Меры нужные, важные. Однако мы не уверены, что ответ полностью удовлетворит Е. Средних. Прежде всего в нем обойдена проблема заготовок и переработки леса в зоне БАМа, а ведь именно об этом письмо молодого рабочего. Приведенные цифры по строительству новых перерабатывающих цехов не дают также ясности о перспективах: можно ли рассчитывать, что хотя бы к 1990 году повсеместно будет внедрена безотходная технология, исчезнут свалки и костры на лесокombинатах? Достаточно ли запланированных мер? Жаль, что это осталось неизвестным нам и читателям.

Разумеется, не все вопросы и упреки следует адресовать Минлесбумпрому. Свою «лепту» в уничтожение Чарской долины вносят предприятия Главбамстроя. На наш взгляд, главная причина неоправданных потерь в том, что в свое время не были запланированы действенные природоохранительные меры, а также не проведена серьезная разъяснительная и воспитательная работа среди строителей, лесозаготовителей — всех тех, кто причастен к освоению зоны БАМа.

Выступая в Днепрпетровске, товарищ М. С. Горбачев подчеркивал: «Пожалуй, сейчас нет более актуальной задачи, чем экономия топлива, сырья и материалов. Они нам обходятся все дороже. С ростом масштабов производства значение экономики возрастает. Используем же мы топливо, древесину, сырье далеко не лучшим образом». И далее: «Любое расточительство — это обкрадывание самих себя, всего общества, это преграда на пути роста благосостояния людей».

Мы не можем считать поднятую в этой публикации тему «закрытой». Поэтому планируем в будущем вернуться к фактам, о которых рассказывается в письмах с БАМа.

ПРИТЯЖЕНИЕ ДОБРА

Берегите детство

Так держать, Асхат! Добром никого унижить нельзя, добром можно оскорбить лишь злых и равнодушных людей. Мы часто говорим о необходимости беречь таланты, делая их и прочее. А разве не заслуживает такого же отношения талант доброты и бескорыстия, которым в полной мере наделен Асхат Галимзянов?

Предлагаю создать Общество охраны детства. Пусть оно объединит общественные советы детских домов и других детских учреждений, врачей, учителей, воспитателей, всех, кто работает с детьми. Сбор членских взносов посредством распространения марок (подобных маркам ДОСААФ и т. п.) позволит получить огромные средства — уверен, что в целесообразности таких сборов никого убеждать не придется. Главная цель общества — помощь детям-сиротам (не только материальная, конечно). Возглавлять такое общество должны люди, подобные Асхату Галимзянову, уж они-то не допустят формализма в работе. А шефство над деятельностью ООД должен взять комсомол.

А. ЛУБЕНСКИЙ,
комсомолец,
преподаватель СПТУ № 1,
Черкассы

Какой след оставишь?

Как хочется верить в существование таких людей, как Асхат Галимзянов, — бескорыстных, скромных, самоотверженных в своей заботе о людях. И в то же время постоянно ощущаешь присутствие тех самых знакомых, о которых упоминал автор («Пусть он меня убедит, что это нормальный поступок, лишенный всякой задней мысли», или: «Все равно — дурак этот твой Галимзянов или спекулянт»).

Не слушайте этих самовлюбленных и безнадежно благополучных скептиков. Верьте, что Галимзяновы существуют на белом свете. Встретить их в своей жизни — большая удача. Без общения с ними у вас не будет веры в людей, в добро, в справедливость, а без этой веры душа загнивает, и не спасут ее ни россыпи разных дорогих побрякушек, ни другие атрибуты внешнего, показного благополучия. Без этой веры вы будете, выражаясь словами поэта, «ходить среди людей и притворяться непогибшим».

И вот еще что хочется сказать. В молодые годы самоуверенно считаешь (а иные и до старости полагают так), что своему становлению, тому, что в какой-то мере состоялся как человек, ты обязан главным образом самому себе. Конечно, и родители, и школа, и умные книги — им тоже спасибо, но в главном все же ты сам себя слепил. И лишь с годами постигаешь, что ты, оказывается, в значительной мере сформирован людьми, которые так или иначе оставили добрый след в твоей душе: кто поддержал когда-то словом или делом, кто поделился куском хлеба, а кто и просто ободрил приветливой улыбкой. Люди, подобные Галимзянову, необходимы нам, как воздух, как глоток свежей воды.

В. ЛЕБЕДЕВ,
заслуженный учитель РСФСР,
Гусь-Хрустальный

Среди последних наших публикаций наибольшее количество читательских откликов вызвал очерк писателя Диаса Валеева «Добром живет человек» («Смена» № 8). Сотни писем, и все

фактически об одном — о бескорыстии и бережливости, скромной и в то же время весьма деятельной доброте.

О чем говорит такое единодушие, с каким читатели оценивают гуманное начинание героя очерка? Не о том ли, что все мы испытываем острый недостаток в возможности на деле проявить лучшие порывы своей души, помочь тем, кто нуждается в помощи? Все ждем подсазки, какого-то «особого случая»...

А может, надо не ждать, а просто, как Асхат Галимзянов, действовать, творить своими руками добро и благо для людей?

Об этом пишут и наши читатели.

Дорогу инициативе!

Трудное это, оказывается, дело быть добрым, бескорыстным, душевно щедрым человеком. Стоит только проявить активность, выйти за рамки сложившейся «философии», как сразу: «Зачем? Почему? По какому праву?»

Ведь что получается? Вместо помощи А. Галимзянову от него отмахиваются. Значит, речь идет об элементарном неуважении к человеку, о формальном выполнении своих обязанностей отдельными должностными лицами Бауманского района Казани. Ведь они оказались явно не на высоте: не сумели отличить белое от черного, добро от зла.

А. ПЕСТОВ,
бригадир формовщиков,
Первоуральск Свердловской обл.

Это нравственный подвиг

Здравствуй, «Смена»!

«Очерк «Добром живет человек» меня взволновал. Мне самому пришлось пережить трудное детство: воспитывался в детском доме, в школе-интернате. Очень жаль, что Асхат Галимзянов не мой отец, но я рад, что он живет в нашей стране. Такими людьми мы должны гордиться так же, как героями труда. Ведь, согласитесь, дело, которым занят Галимзянов, — это не просто помощь детям-сиротам, это нравственный подвиг Человека-патриота. Таким людям нужно всячески помогать в их бескорыстных начинаниях, а не «ставить палки в колеса».

К сожалению, часто приходится слышать и читать, что бескорыстные люди встречают непонимание, остаются без поддержки. Есть, конечно, и такие, кто стремится только к незаконной наживе. Но нельзя же в самом деле допустить, чтобы честных людей ставили в один ряд с лжечестными. Нужно тщательно разбираться в каждом отдельном случае, и я очень надеюсь, что «дело № 2891» закончится в пользу справедливости.

Виктор ГЕРАСИМЕНКО,
23 года,
Ворошиловград

Души прекрасные порывы

Мне 27 лет, я преподаватель училища искусств. Уччу детей музыке. Уччу понимать прекрасное и быть прекрасными. Но как же больно и обидно, когда видишь, как это проявление прекрасного не желают замечать, отвечают на самые лучшие побуждения человеческой души черствостью, равнодушием, бюрократизмом.

Моя маленькая дочь растет без отца. Он нас оставил. Может быть, поэтому мне легче понять, как велико благородство человека, стремящегося хоть как-то смягчить ту обиду, которую нанесли детям взрослые люди.

Конечно, ничем не заменишь тепло родительских рук, но разве плохо, что у детей, от которых отказались родители, будет одной игрушкой и одной рубашонкой больше, станет одним добрым другом больше?

Я не сомневаюсь, что Асхат Галимзянов всегда будет другом этих детей. Но выстоит ли он, сохранит ли эти лучшие побуждения своей души, если «бдительная» общественность и впредь будет усердствовать в сборе документов и прочих материалов против него.

Я преклоняюсь перед такими людьми, как Асхат Галимзянов.

С. БУЛАТОВА,
Нукус

Чем мы можем помочь?

Надо, надо помочь Асхату Галимзянову!

Удивляет отношение общественных организаций Казани к этому человеку. Ему бы в ноги поклониться за его святую заботу о детях-сиротах, а не «дело» под номером заводит! Почему в эту историю не вмешался Казанский горком ВЛКСМ? Ведь А. Галимзянов заботится о детях, лишенных тепла и ласки матерей.

Елена БЕЛОВА,
25 лет,
Москва

Прозрение

Несмотря на то, что Асхат Галимзянов занимается весьма прозаическим делом — выращиванием свиней, говорить о нем хочется возвышенными словами.

После знакомства с очерком об этом человеке у меня в душе словно что-то перевернулось. Много, чем жила, о чем думала, показалось мелочным, незначительным. Ведь как бывает: живешь, к чему-то стремишься, делаешь «карьеру», а в итоге оказывается, что все это только ради собственного благополучия. Хочется хорошо одеваться, вкусно есть, жить с комфортом, и вдруг приходит момент пресыщения, когда тебя уже ничто больше не трогает и не волнует — только бы тебе было хорошо в твоей маленькой скорлупке. Вот это-то и страшно!

Как хорошо, что среди нас живут такие люди, как Асхат Галимзянов. Они не дают нам зачерстветь, погрязнуть в своих личных переживаниях, отгородиться от чужих бед глухой, непроницаемой стеной.

Валентина КИМ,
библиотекарь,
Чимкент

Не обрезать крылья

Дорогая редакция!

Спасибо тебе за поддержку Асхата Галимзянова и помощь его благородному делу. Спасибо, что не дали обрезать человеку крылья. Обыватели, эгоисты, неспособные на добрые дела, не в силах понять Асхата. Разве могут быть лишними забота, тепло, отдаваемые детям?

С удовольствием прочитала очерк «Добром живет человек» и порадовалась самому большому счастью Галимзянова, тому, что дети Асхата — его первые помощники.

Подскажите, чем я могу помочь Асхату?

Валентина ДОБРОВОЛЬСКАЯ,
Севастополь

Ровно 40 лет назад, 2 сентября 1945 года, в 10 часов 30 минут утра по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури», находившегося в водах Токийского залива, состоялось подписание акта о капитуляции Японии.

Вторая мировая война, вовлекшая в свою орбиту 61 государство и более 80 процентов населения земного шара, была завершена. Она длилась шесть лет. Военные действия велись на территории 40 государств трех континентов — Европы, Азии, Африки, на обширных акваториях четырех океанов — Атлантического, Северного Ледовитого, Тихого, Индийского. Счет потерь был чудовищным: 50 миллионов человек.

Последние залпы большой войны прозвучали на Дальнем Востоке. И, возвращаясь памятью к драматическим событиям августа 1945 года, склоняя голову перед подвигом солдат, поставивших точку в страшной войне за всю человеческую историю, задумаемся...

Японский милитаризм, разгром которого завершилась вторая мировая, был одним из самых зловещих порождений XX века. Во все времена его отличительные черты — вероломство и крайняя жестокость. В полной мере это проявилось в отношении нашей страны.

Без объявления войны 8 февраля 1904 года японский морской флот неожиданно напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. Война, которая принесла русскому народу неисчислимые беды и лишения, завершилась грабительским договором, навязанным царскому правительству. Япония захватила Ляодунский полуостров. К ней отошли южная часть острова Сахалин и Курильские острова.

А вот хроника, далеко не полная, преступлений японской военщины, совершенных уже в годы, когда в нашей стране была установлена Советская власть.

Высадка экспедиционного корпуса Японии на Дальнем Востоке — удар против революции... Агрессия в районе озера Хасан — проба сил к будущей войне против Советского Союза...

Халхин-Гол... Новая попытка проверить, готовы ли Вооруженные Силы СССР к защите Сибири и Дальнего Востока...

Всю Великую Отечественную войну стояли на Дальнем Востоке советские дивизии, скованные там возможностью неожиданного японского нападения. Им было приказано ждать. Ждать в полной боевой готовности, ибо в любой момент могла попытаться японская военщина вознить самурайский меч в спину сражающемуся не на жизнь, а на смерть нашему народу.

«Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому Японии необходимо обеспечить себе путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири» — эти слова военного министра Араки, в которых сформулирована стратегическая доктрина японского милитаризма, процитированы в приговоре Международного военного трибунала, судившего главных японских военных преступников.

На советской границе была сконцентрирована Квантунская армия, элитная группа сухопутных войск. Ее численность составляла около миллиона человек. Оснащенность и боевая выучка личного состава — образцовые. Главное в воспитании солдат — дух фанатичной преданности империи и ненависти к противнику. Для Квантунской армии этим противником были советский народ, народы Монголии, Китая...

В феврале 1945 года на Крымской конференции руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — было достигнуто соглашение: через два-три месяца после окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну с Японией. К началу конференции комитет начальников штабов США подготовил президенту Рузвельту секретный меморандум. В нем говорилось, что после окончания войны в Европе для разгрома Японии может потребоваться еще полтора года, но если СССР вступит в войну на Дальнем Востоке до вторжения войск США на Японские острова, то это позволит сберечь жизни сотен тысяч американских солдат, и, возможно, такое вторжение может вообще оказаться ненужным. Особенно важным американские военные руководители считали: если советские войска парализуют японские части на азиатском континенте, лишив их возможности переправиться в Японию, это станет гарантией успеха.

Советская страна выполнила свои союзнические обязательства. Квантунская армия, потеряв убитыми, ранеными и пленными более 700 тысяч человек, сложила оружие.

Отремели последние залпы второй мировой войны. Честь и слава тем, кто принес мир человечеству. Их подвиг будет вечно жить в памяти народов.

последние залпы войны

Виктор ЛЕОНОВ,
дважды Герой
Советского Союза,
капитан 2-го ранга в отставке

Какими бы долгими и трудными ни казались тогда нам, солдатам, без малого четыре военных года, прожитых рядом со смертью, домой мы не спешили. Хоть и не знали мы планов командования, но догадывались: последние залпы войны еще не отзвучали. На Дальнем Востоке над нашими границами нависла другая вражеская рать — армия милитаристской Японии. И не бывать миру и покою, пока не одолеем мы ее.

В ту пору я командовал на Северном флоте отдельным разведывательным отрядом, состоящим из моряков-десантников. Бывалые бойцы, обстрелянные, закаленные, прошедшие, как говорится, огонь, воду и медные трубы, они не раз ходили во вражеский тыл, добывали ценные сведения, «языков», громили штабы, совершали диверсии на дорогах. На моем личном счету было к маю 45-го года более пятидесяти рейдов по тылам противника. Высаживался с катеров в Норвегии, Финляндии, знал северное побережье, как улицу, на которой вырос.

Словом, едва кончились бои на Западе, написал я рапорт на имя командования с просьбой направить меня на Дальний Восток, где мог пригодиться мой фронтовой опыт. Рвались туда и мои боевые товарищи. Горела в наших сердцах ненависть к врагу, желание раз и навсегда покончить с военной опасностью, грозящей нашей Родине. А многим бойцам разведотряда попросту некуда было возвращаться: дома их были сожжены, близкие погибли под бомбежкой или в оккупации.

Рапорт мой не остался без ответа: просьбу удовлетворили, разрешили отобрать из бойцов разведотряда и взять с собой 50 человек. Дело непростое. Одного возьмешь — другой обидится. В конце концов и этот вопрос урегулировали. К новому месту базирования во Владивосток поехали со мной верные мои друзья, костяк отряда — Герои Советского Союза старшина 1-й статьи Семен Агафонов, старший матрос Андрей Пшеничных, командир взвода Макар Бабиков, старшина Дмитрий Соколов, Александр Никандров, замполит отряда Иван Гузнецков и другие североморцы. По сей день вспоминаю об этих людях с душевной теплотой — негибаемые воины, преданные долгу своему патриоты.

Во Владивостоке отряд пополнился молодежью, рвущейся в бой, горевшей желанием походить на испытанных ветеранов. Начали изучать будущий театр военных действий, учить разведке молодых бойцов. Как-то отряд проводил учения. И вдруг вызывают в штаб — СССР объявил войну Японии, начались боевые действия. Отряду предстоит готовиться к высадке, но теперь уже не учебной. Беру торпедные катера и мчусь забирать отряд.

Первая боевая задача — высадиться в оккупированном японцами порту Юки, захватить плацдарм и удерживать его до подхода главных сил.

Но порт был уже пуст, за несколько часов до нашего появления противник отвел свои части. Почти без передышки погрузились на катера и рванулись к следующему стратегически важному пункту — порту Расин. Захватили причальные линии, подготовили плацдарм. Сопротивление отдельных групп врага было быстро сломлено. Не остановил десантной операции и огонь крупнокалиберных пулеметов по нашим катерам. Все решили стремительность атаки, полная согласованность действий всех

НЦЕ

групп десанта, боевое мастерство разведчиков, доведенное до высочайших пределов.

Важнейшим опорным пунктом на побережье Северной Кореи, захваченной японскими интервентами, была военно-морская база Сейсин. Брать ее, как и Юку, и Расин, предстояло с ходу. Однако мы немного знали о системе обороны базы, расположении огневых точек противника, численности его войск в этом районе. Туманы не давали возможности эффективно провести авиаразведку. И все-таки дело надо было делать.

Бои за Сейсин оказались самыми кровопролитными. Мы высадились и вскоре вступили в бой с противником. К исходу первого дня захватили мосты через реку Сусенцион, чтобы не дать японскому командованию вывести войска из базы. Но дальше продвинуться не удалось. Принялись очищать от врага центр города. В трудном положении оказались наши части десанта — батальон морской пехоты, пулеметная рота. Разведотряд тоже приходилось нелегко, приходилось помогать соседним подразделениям, отбивать непрерывающиеся атаки врага. А тут еще, помню, страшная жара, воды нет, даже раненым ее не хватает, соленый пот заливал глаза, жжет изодранные в кровь лицо, руки.

В архивах Военно-Морского Флота сохранился уникальный документ. История его такова. Группа моряков, отрезанная от основных сил отряда, отбивалась от превосходящих сил противника. Но не сдавала позиций. Когда у бойцов осталось боеприпасов только на одну схватку, они написали письмо тем, кто найдет их тела. «Дорогие товарищи! Мы, моряки отряда Леонова — старший санитар-инструктор Тарасов, краснофлотец Ермаков, краснофлотец Кедяров, краснофлотец Кальниченко, краснофлотец Баев, краснофлотец Грищенко, — выполнили свою задачу... Мы умираем, но знаем, что за нас отомстят. Прощайте, товарищи, помните о нас».

Но они не погибли. Вложив всю ярость и все силы в последний удар, моряки вырвались из вражеского кольца и соединились с отрядом. Им суждена была еще долгая жизнь, но самое главное испытание они выдержали в ней двадцатилетними.

Сейсин был взят, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, потерявшего в боях за базу свыше 3 тысяч солдат и офицеров. Оставив раненых в госпиталях, отдав последние воинские почести павшим, после короткого отдыха разведотряд двинулся дальше, теперь уже на Гензан.

В этот день, 19 августа, японские войска, выполняя приказ своего командования о капитуляции, начали сдаваться в плен. Но не везде. Иные гарнизоны продолжали оказывать сопротивление, несмотря на неудержимое наступление наших сухопутных армий и флота. На что рассчитывали самураи, трудно сказать, не исключено, что они ждали перелома в ходе войны.

В Гензане сложилась ситуация крайне напряженная. Кроме военно-морской базы, там располагался большой аэродром, где стояли несколько десятков готовых к вылету самолетов. Получилось, что разведотряд почти беспрепятственно вошел в город, но остальные силы десанта вынуждены были остаться на берегу, японцы преградили им путь. Все происходило без выстрелов. Первая же автоматная очередь могла послужить сигналом к яростной, кровопролитной схватке.

В городе я разыскал начальника гарнизона Гензана полковника Сата и начальника военно-морской базы адмирала Хори. Напомнил им о приказе капитулировать. Разговаривая с японскими офицерами и почти физически ощущая нацеленный мне в висок пулемет. Один неверный жест — и всё; сила в тот момент была на стороне врага. В конце концов уговорил японских адмирала и полковника прибыть на борт нашего корабля, где и обсудить условия капитуляции. Оставался аэродром, близости от которого располагалось около трех с половиной тысяч солдат и офицеров противника.

Высадившись на прибрежной косе, мы установили контроль за складами с горючим и взлетно-посадочными полосами. Взяв десять человек, отправился в японский штаб. Там в большой комнате ждали около двадцати офицеров. Настроение у них было враждебным. Я сообщил, что аэродром в наших руках и находится под прицелом корабельной артиллерии. Японский полковник начал с того, что объявил нас заложниками и запретил выходить из комнаты. Малейшее неповиновение — и нас уничтожат. Едва переводчик сообщил условия полковника, мы приняли ответные меры: Дмитрий Соколов зашел за спину полковнику и приготовил оружие. Андрей Пшеничных блокировал дверь. Иван Гузненков подошел к окну и, распахнув створки, проговорил:

— Сейчас мы с вами здесь разберемся — и в окно. Пока охрана срагируется, нас здесь не будет.

Вид изготовившихся к бою разведчиков подействовал на японцев отрезвляюще. Я положил перед полковником бумагу и потребовал немедленно подписать приказ о капитуляции. Оглянувшись на стоявшего за его спиной Соколова, полковник написал несколько фраз и поставил подпись. Спустя час несколько тысяч японских вояк выстроились на летном поле без оружия. А затем колонной двинулись через город в порт. По пути к ним присоединялись части гарнизона Гензана.

Много лет спустя в одной из наших газет появился рассказ об этом эпизоде. Автор статьи писал, что Леонов, то есть я, с десятью бойцами взял в плен более пяти тысяч японских солдат и офицеров. Как будто бы все так и есть. Но надо помнить при этом, что японская армия была в те дни уже парализована, морально побеждена. Стремительные удары советских войск действовали на японцев ошеломляюще.

Да, там, на аэродроме в Гензане, нас было десять человек. Но за нами были наши товарищи, наша армия, страна, народ, разгромивший фашистскую Германию, с нами была правда и вера в победу. Мы несли освобождение народам Востока и Юго-Восточной Азии, избавляя их от гнета интервентов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 16 (1398) АВГУСТ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
лета
солнечный дар.

Фото
Николая ШИЛОВА.

- 1** НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
Олег АКИНСИН. «ЧЕСТНАЯ РАБОТА».
- 2** НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — БЕРЕЖЛИВОСТЬ.
«НАМ БЕРЕЧЬ!»
- 6** С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРИБУНЫ XII ВСЕМИРНОГО.
Виктор ЛЕОНОВ, дважды Герой Советского Союза.
«ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ ВОЙНЫ».
- 8** Виктор ПРОНИН.
«РАССЛЕДОВАТЬ НА МЕСТЕ».
- 12** РАССКАЗЫ О СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.
«НА ГРАНИЦЕ, У РЕКИ».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 15** Стихи Натана ЗЛОТНИКОВА.
- 16** ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ.
«ПРОЗРАЧНОСТЬ».
- 20** НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
«ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ — УВИДЕТЬ».
Фотоочерк Ильи ВАЙСА и Александра ЕФРЕМОВА.
- 21** СКОРОСТЬ.
Владимир АРКУША. «ВЕТЕР В КОЛЕСАХ».
- 22** МОЛОДАЯ СЕМЬЯ.
Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук.
«РАЗМЫШЛЕНИЯ У ВЕРШИНЫ».
- 24** ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПРОГРАММЫ XII ВСЕМИРНОГО.
«ПРОСТОРЫ ПЕСНИ НАШЕЙ».
- 26** ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
Сергей ВЫСОЦКИЙ. «ДЕЛО ЕВГЕНИЯ К.».
- 28** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Уильям КОТЦВИНКЛ. «ИП».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Каждый раз, приезжая в этот большой южный город, я наверняка знаю: самое интересное, что меня здесь ожидает, — это встреча с давними друзьями Юрой Зайцевым и Виктором Ксенофонтовым. Когда-то мы учились в одной школе, правда, в разных классах, потом еще некоторое время судьба позволила нам быть рядом. С тех пор я всегда радуюсь, когда выпадает возможность на несколько дней заехать к друзьям.

Меня иногда охватывала даже ревность — они постоянно вместе. Если не удается встретиться, то перезваниваются, если нет возможности вместе провести вечер, сговариваются пообедать. И при этом подтрунивают друг над другом, посмеиваются, не упускают случая подкопнуть, часто довольно жестко. Наверно, они нужны друг другу, наверно, каждый из них что-то дает другому. Хотя и по характеру, и внешне они почти противоположны.

Ксенофонтов — длинный, едва ли не под два метра, весь какой-то замедленный, погруженный в бесконечные свои раздумья и сомнения, вывести его из себя, заставить волноваться, нервничать — дело совершенно безнадежное. Он работает в местной газете, пишет о бытовом обслуживании, передовиках производства, их трудовых достижениях. Темы, конечно, нужные, но когда редактор вдвое, а то и втрое сокращает его материалы, Ксенофонтов остается спокойным.

Другое дело — Зайцев. Он непоседлив, нетерпелив, а маленький рост и небольшой вес делают его не просто шустрым, а даже каким-то стремительным. Вечно он куда-то несется, всегда опаздывает и, похоже, настолько к этому привык, что опоздания его не огорчают. Зайцев закончил юридический институт и работает следователем. Это возвышает его в собственных глазах настолько, что иногда на него накатывает этакая немногословная значительность, разговаривать с Зайцевым в такие моменты становится попросту невозможным.

— Когда-нибудь я смогу тебе кое-что рассказать об этом деле, — говорит он с сочувствием в голосе. — А пока прости, служебная тайна.

— Подожду, старик, подожду, — невозмутимо отвечает Ксенофонтов и спокойно переводит разговор на тему безобидную и безмятежную: проходящие по улице девушки, распускающиеся листья, новинки в книжном киоске.

Такое равнодушие к его делам, естественно, задевает Зайцева, он не может оставаться спокойным и тогда... Что делать, иногда не в силах

Ксенофонтов долго молчит, потом спрашивает:
— Враги есть?
— Как и у каждого порядочного человека, — отвечаю ему в тон. — А у вас что нового?

Ксенофонтов стал, оказывается, заведующим отделом писем и сидит в редакции с утра до вечера. Зайцев тоже получил повышение, работы прибавилось и у него. Встречаются они теперь реже, хотя отношения остались прежними. Зайцев женился, у него уже сын, Ксенофонтов все еще собирается, все еще только осматривается по сторонам и никак не решится на отчаянный шаг.

— Да! — вдруг оборвал себя Ксенофонтов на полуслове. — А ведь я недавно с Зайцевым по одному делу работал, на место происшествия выезжал, с потерпевшим беседовал. Интересно — жуть!

— И все в согласии с уголовно-процессуальным кодексом?

— Все, старик, в согласии и согласованности. Наш редактор связался с их начальником, сказал, что надо бы материал подготовить о хорошем следователе, а тот возьми да и предложи Зайцева. Представляешь? Никогда не думал, что наш Зайцев у них на хорошем счету.

— И что же, интересное дело нашли?

— Тут получилось, как в том старом детективе, когда в доме совершено убийство, а десятки людей клянутся, что в дом никто не входил. В конце концов выясняется, что в дом входил почтальон. Понимаешь? Случай, когда профессиональная принадлежность человека служит ему чем-то вроде шапки-невидимки.

— И в этом деле тоже... почтальон?

— Нет! Тут все иначе. Звонок в милицию: кража в квартире уважаемого человека...

Зайцев озадаченно ходил по разгромленной квартире — он не понимал той злости, с которой тут поработали грабители. Чтобы унести вещи, вовсе не обязательно ломать модель парусника или бросать об пол хрустальную вазу. Тем не менее ее осколками был усыпан весь пол, а парусник не просто изломали, его, видимо, топтали ногами, пытались отодернуть от снастей черные паруса. Зайцев повертел его в руках, подивился тщательности изготовления каждой детали и осторожно положил на стол.

— Хулиганье! — сипловато возмущался толстый рыжий хозяин, который неотступно ходил за Зайцевым, опасаясь, что тот без него не сможет по достоинству оценить злодейство преступников. — Сажать! Без суда и следствия! На хлеб и воду! Пожизненно!

— Посадим, — отвечал Зайцев и шел дальше. Звуки его шагов были гудки и печальны, эхо от них билось о стены обесчещенной квартиры, усиливая ощущение беды. Эксперт снимал отпечатки пальцев с полированных стенок шкафа, высматривал что-то на подоконнике, ощупывал входную дверь, иногда даже усмехался чему-то, и тогда хозяин оскорбленно отворачивался, будто это над ним смеялись, над его несчастьем.

РАССЛЕДОВАТЬ Н

своладать с собой, делится кое-какими... сведениями. Если они, разумеется, не составляют служебной тайны.

Возможно, им стоило бы поменяться своими профессиями — пусть бы раздумчивый Ксенофонтов со своей пронцательностью распутывал запутанные преступления, а нетерпеливый и вездесущий Зайцев искал бы злободневные газетные темы. Но, поразмыслив, я неизменно приходил к выводу, что все получилось правильно, что так все и должно быть: Зайцеву нужно оставаться следователем, а Ксенофонтову — журналистом. Да, их нынешние занятия обладают главным достоинством — позволяют каждому оставаться самим собой. О, сколько печальных судеб мы видим вокруг себя, когда, соблазнившись некой работой, должностью, люди добиваются ее, не считаясь ни с чем, а потом спохватываются, поскольку впопыхах самого себя в жертву принесли...

И вот поезд пронесется по мосту, позади остается широкая, просторная река и сразу же начинается вокзал. Проплывают какие-то строения, склады и, наконец, перрон. Я издали замечаю своих друзей. Ксенофонтов в светлом плаще с коротковатыми рукавами и в клетчатой шляпе с маленькими полями, а рядом, в черной кожаной куртке и в беретке, сутулится Зайцев. Он высматривает номера вагонов, пытается тащить Ксенофонтова к тому месту, куда, по его мнению, должен подойти мой вагон... И в душе поднимается теплая и нетерпеливая волна — мы снова будем вместе, и снова меня ждут потрясающие истории. Конечно, они не во всем достоверны, наверняка приукрашены, в них не все соответствует документам уголовного дела. Но это можно понять — Зайцев не имеет права говорить о деталях расследования.

Мы идем знакомыми улицами от вокзала. Город пуст и свеж, солнце сверкает в только что умытом асфальте, в стеклах газетных киосков, пустые еще троллейбусы мчатся легко и даже беззаботно. Как бы невольно, мимоходом мы сворачиваем в один из переулков и как бы случайно оказываемся у вареничной.

— Ты как с дороги-то? — спрашивает Ксенофонтов. — А то здесь можно перекусить...

— Сейчас там свободно, — добавляет Зайцев тоже с невинным выражением лица.

— Ну что ж, заглянем, — соглашаюсь я не столько на вареники, сколько на очередную историю, которую они наверняка приготовили для меня. В это воскресное утро вареничная почти пуста, и мы рассаживаемся за столиком в углу.

— Как доехал? — спрашивает Зайцев. — Не было ли приключений, огорчений, нападений?

— Да нет, — говорю. — Вроде обошлось на этот раз.

— Самое настоящее безобразие! — сокрушался хозяин. — Понравилась вещь — возьми ее, черт с тобой! Но зачем уничтожать?!

— Скажите, Фиалкин, — обратился к нему Зайцев, — вы кого-нибудь подозреваете?

— Я?! — Хозяин обиженно заморгал белесыми ресницами. — Я не вожусь с людьми, которых можно в чем-то заподозрить.

— Это хорошо, — одобрил Зайцев. — Так и надо. Ну что, ребята, — обратился он к коллегам, — есть следы?

— Сколь угодно. Даже странно...

— Полная уверенность в безнаказанности, — осуждающе заметил Фиалкин. — Видно, опытные грабители, не первую квартиру берут.

— Да, сработали грамотно, — согласился Зайцев. — Никаких следов взлома. И дверь, и замок в полном порядке... Или отмычка хорошая, или ключ у них был, а? — Зайцев вопросительно посмотрел на Фиалкина. — У кого-нибудь еще есть ключ от вашей квартиры?

— Что значит у кого-нибудь? У жены, у меня... И все.

— Это хорошо, — повторил Зайцев. И снова, в который раз, обошел квартиру, остановился у телефона в прихожей, постоял над ним в раздумье, набрал знакомый номер. — Ксенофонтов? Привет. Звоню с места происшествия. Квартирная кража. Ничего особенного, — добавил Зайцев, не замечая укоризненного взгляда хозяина, которому такое отношение к его несчастью явно не понравилось. — Начальник просил при случае тебя вызвать. Правда, случай заурядный. Но если хочешь, подъезжай, посмотришь, как работают наши ребята. Тут тебе и отпечатки пальцев, и собака след-взяла, и проникновение в квартиру, и исчезновение из нее... В общем, полный комплект. Едешь? Записывай адрес...

Положив трубку, Зайцев вышел на площадку — оттуда доносились оживленные голоса. Оказалось, вернулся проводник с собакой. Высунав язык, она улеглась здесь же, в прихожей, поглядывая на всех снисходительно.

— Ну что? — спросил Зайцев.

— От окна собака провела нас через двор в соседний сквер и потеряла след у трамвайной остановки.

— Трамвай? — переспросил Зайцев удивленно. — Несовместно. Так серьезные люди не поступают. Такси уж заказал бы, что ли...

Зайцев осмотрел подоконник, карниз с четким отпечатком подошвы, еще раз окинул взглядом двор, заросший кустами, детскую площадку, пустырь у гаражей, тылы продуктового магазина. Очень возможно, что преступника видели из какого-либо окна: они с четырех сторон выходили во двор. Тем более что время предвечернее, пенсионеры, приготовив ужин, уже высматривали своих домочадцев.

А МЕСТЕ

— Ну что ж, предстоит большая оперативная работа.
— Простите, не расслышал? — тут же отозвался Фиалкин.
— Работы, говорю, вы нам задали много. — Зайцев пристально посмотрел на Фиалкина и понял, что тот уже успел в суматохе опрокинуть рюмку-другую. «Когда же он? — подумал Зайцев. — Вроде и не отлучался...» Хотя правильно, дверца холодильника на кухне один раз хлопнула, вырвавшись из неверных рук хозяина. — За наш успех выпили?

— Ох! — неприятно вздохнул хозяин. — Тут поводов!.. На работе суета, начальство косится, дома разлад, жена одна, жена вторая... Сын... С сыном тоже нелады... А! — Фиалкин досадливо махнул рукой и решительно направился на кухню.

— Как, по-вашему, он попал в квартиру? — остановил его Зайцев.
— Так преступник же! Вот совсем недавно на кухне тараканы объявились... Как они проникли?

— Тараканы уголовно ненаказуемы, — без улыбки сказал Зайцев. — Не буду я заниматься вашими тараканами. Боритесь с ними сами. А вот грабитель наверняка проник через дверь. Два часа на улице идет дождь, два часа, слышите? И если бы он забрался сюда через окно, на карнизе наверняка остались бы мокрые следы.

— А вот след! — Фиалкин ткнул толстым пальцем в отпечаток на ржавой жести карниза.

— Над вашим окном балкон второго этажа, поэтому карниз сухой. И отпечаток следа тоже сухой. Грабитель оставил этот след, когда бежал из квартиры. Но и замок на двери тоже в порядке... Ни царапин, ни взлома, ни отжима — ничего. Как вы это объясняете?

— Опытный воруга работал — вот мое слово! — убежденно сказал хозяин и ударил себя в пухлую грудь кулаком. — Сажать их надо, сажать! Пожизненно!

— Думаете, надо? — без выражения проговорил Зайцев, осматривая входную дверь. — Знаете, здесь отмычкой и не подобрешься.

— А ведь не хотел вселяться на первый этаж! — воскликнул Фиалкин. — Предупреждали люди добрые! Нет, вселился, дурак!

В это время раскрылась входная дверь, раздались быстрые шаги — приехал Ксенофонтов. В распахнутом коротковатом плаще, с мокрыми волосами, с обвисшими под дождем усами, он был радостно возбужден: наконец, ему удастся побывать на самом настоящем месте происшествия.

— Старик! — воскликнул Ксенофонтов. — Тебе обязательно нужно написать на складе лупу! Да, большую лупу, в черном футляре. Через нее любые следы становятся более заметными. И не поверишь — неопровержимыми.

— Ты думаешь? — рассеянно спросил Зайцев, прислушиваясь к чему-то.

Да, он опять услышал, как на кухне хлопнула дверца холодильника и тут же раздалось еле слышное бульканье — хозяин переживал свое горе. — Значит, так, Ксенофонтов, давай договоримся. Я не возражаю против твоего присутствия. Можешь смотреть, слушать, можешь даже принохиваться. Но ты не должен ни во что вмешиваться. Понял? Лицо ты постороннее, и только хорошее отношение начальника к газете дало тебе возможность быть здесь.

— Я тебя не подведу, Зайцев! — Ксенофонтов покорно склонил голову набок. — И твой начальник тоже останется довольным мною.

— Докладываю обстановку. Примерно час назад в эту квартиру проник вор...

— Простите, но уже прошло полтора часа, — раздался за спиной сипловатый голос хозяина. Глаза Фиалкина масляно блестели.

— Скажите, — обратился к нему Ксенофонтов, — вы пьете от радости или от горя?

— Какая же здесь радость? Вор в доме — это счастье?

— При чем здесь вор! — воскликнул Ксенофонтов. — В доме полно прекрасных людей, отличных знатоков своего дела, честных и порядочных, готовых поддержать с вами любой разговор... Гости — это действительно радость. Но, похоже, гости в этом доме — нечастое явление.

— Это почему же? — помрачнел хозяин. — С чего вы взяли, что у меня не бывают гости?

— О! — Ксенофонтов махнул рукой. — Об этом можно говорить много. Вешалка всего на два крючка. Да и те не очень загружены. Нет запасных тапочек для гостей, а судя по коврику, вряд ли вы позволили бы гостям топтаться в сапожниках, а?.. На кухне две табуретки, а в комнате два кресла... За этим столом едва поместимся мы с вами, даже следователя пригласить не можем, в комнате лишь журнальный столик... Какие гости?

— Вы правы, — печально согласился Фиалкин.

Зайцев четко, суховато рассказал о том, что примерно полтора часа назад в квартиру проник вор. Хозяин, вернувшись с работы, застал его на месте преступления. Но вор успел открыть окно в комнате и выпрыгнул наружу. Похоже, взял он совсем немного, во всяком случае, хозяин затрудняется без жены сказать, что именно пропало. Вот только парусник, которым он, видимо, дорожил, истоптан, осколки хрустала на полу и прочая мелочь, добавил Зайцев, заканчивая рассказ.

— Хороша мелочь! — возмущенно воскликнул Фиалкин, у которого щеки заметно порозовели, а голос приобрел напористость и зычность. — Для вас мелочь, — скорбно продолжал хозяин, — а для меня память души... Что остается нам от прошедших лет, что? Воспоминания...

— Воспоминания не разыскиваем, — сдержанно проговорил Зайцев, стараясь уйти от взгляда хозяина. — А вот вещи... Вы внимательно все осмотрели?

— Кроме того, что я сказал... — Фиалкин обвел комнату безутешным взглядом... — Модель парусника сломали, сынишка смастерил... Над моей фотографией глумление устроили. — Он кивнул на портрет. — Если бы я их не спугнул, они такого бы здесь натворили... — В голосе Фиалкина зазвучало что-то трагическое. — Кто знает, не застали бы вы здесь мое бездыханное тело, случись все немного иначе. — Он вынул большой платок, встряхнул его и промокнул глаза.

— А вы что же, вернулись раньше обычного? — спросил Зайцев.

— Да не так, чтобы раньше... Почти в то же время... — Фиалкин не

Ксенофонтов, оставив в квартире жалкого Фиалкина, медленно шли под мелким дождем, не пытаясь скрыться от него или ускорить шаг. Уже стемнело, светофоры отражались в мокром асфальте, в витринах, отражались в сознании приятелей, но не затрагивали его. Другие образы волновали их сейчас и тревожили.

— Я благодарен своей неупутевой судьбе за то, что она подбросила мне прекрасный подарок — посмотреть на работу настоящих сыщиков, — сказал Ксенофонтов уважительно.

— Перестань! — с досадой оборвал его Зайцев. — Дело было несложное, и мы его распутали, не покидая места происшествия.

— Это было великолепно! За два часа...

— Перестань! Что у тебя произошло с этим тронутым Пионовым или как его... Ромашкиным? Почему он отказался признать себя потерпевшим?

— Совесть заела. Кстати, его фамилия Фиалкин.

— Какая совесть? При чем здесь совесть?!

— Видишь ли, Фиалкин вдруг понял, до него дошло, что он... не очень хороший человек. Фиалкин мог даже решить, что он плохой человек, очень плохой.

— Какая разница — плохой он или хороший? К нему в дом забрался грабитель, вор, если уж точнее...

— Это был его сын.

Зайцев остановился, некоторое время смотрел на Ксенофонтова, и постепенно выражение его лица менялось от насмешливого к растерянному.

— Ты думаешь...

— Слушай, что произошло... Фиалкин за последний год пережил большие семейные потрясения. Он развелся с прежней женой, сошелся с другой женщиной, молодой и красивой, и привел ее в ту самую квартиру, в которой жила его семья. А жена с сыном ушли в квартиру новой избранницы. Понимаешь? С точки зрения целесообразности это было хорошо, потому что, разменяв он свою двухкомнатную квартиру, ему вообще пришлось бы довольствоваться комнатой в коммуналке. А так он остался жить в двухкомнатной, а мать с сыном получили отдельную квартиру. Казалось бы, все прекрасно. Но есть другая точка зрения — нравственная, что ли... Вот с этой стороны Фиалкин допустил вопиющую бестактность... Понимаешь?

— Ты очень хорошо рассказал о его личных делах... Меня же больше интересует ограбление.

— Чего тебе волноваться, ты его раскрыл, начальник отметит тебя в приказе, подарит что-нибудь... Или повысит в должности. Я очень рад за тебя.

— И так, ограбление, вернее, попытка, — напомнил Зайцев.

— Хорошо, вернемся к нашим баранам. Сопоставь несколько фактов... Дверь была открыта без следов вала. Ключом. У кого может быть ключ? Только у близкого человека. Ты слышал, как он говорил о сослуживцах? Они отпадают. Остается прежняя семья, которая жила в этой квартире. Естественно, ключи были и у матери, и у сына. Дальше. Время ограбления — самое неудобное, когда хозяйка возвращается домой после работы. Вор на такое дело в шестом часу вечера не пойдет. Продолжим. Кто может бегать вдоль дома, прячась от жильцов и выжидая, пока никого вокруг не будет? Человек, которого в этом доме знают. Как потом выяснилось, один жилец все-таки его увидел, подошел, поздоровался. Для настоящего вора после подобной встречи самое разумное — смыться. А он?

— И тут ты прав.

— Ты тоже, старик, прав. Здесь столько правоты, что нам обоим хватит. Что же оказалось уничтоженным в доме? Парусник с черными пиратскими парусами и хрустальная ваза. Парусник подарил Фиалкину сын, а вазу подарила жена. В прежние времена, когда все было прекрасно в семейном уголке. Подарили на день рождения. Задаю Фиалкину вроде бы дурацкий вопрос: когда у него день рождения? Оказывается, сегодня. То есть парнишка помнит об этом, помнит старые времена, наверно, еще любит этого толстобрюхого Фиалкина... И возникает в его юном горячем мозгу жажда мести. Да, он хочет отомстить отцу. Тот сам мне сказал, что парень все события воспринял как предательство. Он приходит в свой прежний дом, ломает свой подарок, разбивает вазу, которую подарила мать, но скрыться не успевает. Подозреваю, что он задержался в квартире больше, чем ему бы хотелось, не смог сразу уйти... Не смог. Я его понимаю. А ты?

— Его понимаю. Я тебя понять не могу... Ты что, с самого начала догадался, кто вор?

— Конечно, нет! И мысли об этом не было. Но когда ты начал подбрасывать мне всякие сведения... Я вылепил из них картину.

— Ваятель! — хмыкнул Зайцев. — Хорошо на всем готовеньком!

— Признаю, старик! Только благодаря тебе я все понял. Ты проявил настоящее мастерство. Через два часа после начала следствия, — Ксенофонтов посмотрел на часы, повернув их к уличному фонарю, — ты можешь задержать преступника. Но ты этого не сделаешь, верно?

— Задержать-то я его задержу... Но из-за этого полоумного Фиалкина получается, что... Нет состава преступления.

— Это прекрасно! — воскликнул Ксенофонтов. — Хотя, может быть, ты со мной и не согласишься...

— Почему же, охотно соглашусь, — проговорил Зайцев. — Знаешь, мы обычно называем пострадавшими людей, у которых что-то там сперли, что-то повредили — дом, карьеру, здоровье... А разве все родственники, друзья, близкие преступника, разве они не пострадавшие? А общество?!

— Стоп! — воскликнул Ксенофонтов. — Дальше не надо. А то тебя захлестнет общечеловеческая скорбь, ты не сможешь выполнять свои обязанности и начальник тебя поругает. Смотри! — вдруг воскликнул Ксенофонтов, показывая длинной своей рукой куда-то вдоль улицы. — Видишь?!

— Что? — не понял Зайцев.

— Светится, — блаженно улыбаясь, проговорил Ксенофонтов. — Варничная светится... Пойдем, а? Как думаешь: наступит мир в семьях гражданина Фиалкина? Боюсь, что и молодая жена, вернувшись с работы, вряд ли сможет его утешить. Сегодня это никому не под силу...

— Он выглядел совершенно убитым.

— Перебьется! — жестко сказал Ксенофонтов. — Предатели часто печалются после того, как исполнят задуманное. Таков уж их удел.

*

Ты прости меня, мама, прости, что мне выпало счастье такое: много лет я живу на Руси, — что же лучше? А негу покоя.

Никакой не боюсь я работы, не привык понапрасну тужить, но боюсь, что не встречу кого-то, без кого и не стоило жить. Все куда-то уехать хочу, а уехав, скорей возвратиться, чтобы в свете осенней зарницы прикоснуться к родному плечу. Не услышанное — услышать, не увиденное — увидеть, никого просто так не обидеть, но обидчиков всех наказать. Повседневной боюсь чепухи и живя повседневностью этой, все хочу написать я стихи лучше всех самых модных поэтов. Вот и вновь посредине Руси вечерами стою над рекою... Ты прости меня, мама, прости, что мне выпало счастье такое.

*

Хранят в своих сердцах березы и воина последний стон, и матерей святые слезы, и гордость вдов, и верность жен. Хранят березы и другое: расстрел предателя во рву, как он пожухлую траву рвал холодной рукой... Березы, прошумев над ним, в сережки приоделись к лету... Но мы о нем не говорим: его земли на свете нету! Хватает в мире женских слез, не стала наша жизнь беспечной, но плач и свет родных берез — как это рядом и навечно!

*

Не лирика, а проза, произнесенная тоской: плакучие березы над черною рекой. Смолою пахнут доски и краскою — кумач, рубашечка в полоску, и — тихий женский плач: «Зачем ты нас покинул, как будем без тебя?..» И русская долина молчит, туман клубя... А за рекой к закату очнулись соловьи, их слушающая, девчата вздыхают о любви. А за рекою травы ждут доброго косца, а за рекой — держава без края и конца!

*

На невидимой карте душ есть свои океаны и горы, и на реках шумят камыши, и созвездья ведут разговоры. Вдруг покажется: сил уже нет, но опять открываются дали, о которых за тысячи лет на планете еще не мечтали. И душа, все столетия вобрав, что над родом твоим пролетели, снова станет светла и добра, как в забытой давно колыбели.

*

Нет, обольщаться я не буду, случайность тут не исключать: признания можно, как простуду, не ожидая, получить. Мы о признании все мечтаем, но все-таки не в этом суть, что ты из многих вычитаешь, а в том, что пройден общий путь! В нем все: и радость, и тревога, любовь, и ненависть, и труд, а это больше, чем дорога и чужеземное — маршрут. Что из того, что не был в бытность людей ушедших и времен, но, с ними ощущая слитность, ты к ним незримо приобщен! И, видя чистое мерцание звезды умершей, знаешь ты: признание — это не признание, а отблеск суетной мечты... Займется утро. И к ребенку нагнетает, пробудившись, мать... Не сносшибательную гонку — жизнь начал. Надо продолжать.

МГНОВЕНИЕ

Не поражу вас откровеньем, что надоело жить спеша. Душа, живущая мгновеньем, еще не взрослая душа. И, суеты постигнув косяк, устав и ждать, и забывать, душе терпенье и серьезность успей от дедов передать! Конечно, смехом храмы рушат, веков гранитный паркет, но смех — он тоже сердце сушит, копь в нем и малой мысли нет, копь нет ничтожного сомненья: во всем ли верен твой отсчет? Нет, как ни велико мгновенье, но завтра новое грядет! Живи, с ним встречи ожидая, пусть в нем, пробившись сквозь года, жизнь не твоя — совсем другая вдруг воплотится навсегда.

*

Через поле, вдоль опушки леса шпалы держат бесконечный путь. Сколько взяли из земли железа, чтобы рельсы эти протянуть?! Равнодушье линий параллельных нас всегда таинственно влечет. И ведут колес костяшки счет дней дождливых, знойных и метельных. Вот уже и старость у порога, но вот этой мысли не избыть: для меня железная дорога стала продолжением избы. Здесь, пожалуй, те же откровенья, те же разговоры без конца. Как без деревенского терпенья пассажиров билась бы сердца? Самолет — как обморок: пространство было или не было его? Я к дороге, если разобраться, чувствую душевное родство. Останется в нежданном поле поезд, как телега у плетня, и вдруг сердце захлестнет до боли тишина распахнутого дня. Слово не осталось ничего, тихо в душу входит постоянство, а в пространстве сердца моего — Родины протяжное пространство.

НА ГРАНИЦЕ У РЕКИ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

НА ФЛАГ — СМЕРНО!

ТОЧНЫЙ ПРИЦЕЛ.

Есть два Дуная. Первый я открыл для себя, идя по реке на белоснежном комфортабельном красавце теплоходе, под звуки модного в ту пору шлягера, которые лились над палубами из мощных динамиков.

Река тогда казалась величаво томной, изнеженной, почти бесплотной под могучим торсом теплохода. Правый берег мало чем отличался от левого — округлые шапки ив, белые проплешины песчаных откосов. Порой мы любовались сверху на подмытые водой сплетения корневидных издалека казавшиеся упавшими вороньими гнездами, или считали тянущиеся навстречу баржи. Словом, река оставила ощущение тихой дорожки, одинаково красивой и солнечной.

Но случилось, что по той же реке мы неслись потом, держась за леера, окаймляющие дрожащую от напряжения палубу военного корабля. Волны захлестывали нос, доставали брызгами до сигнального мостика. «Ровные» берега внезапно расступались, пропуская наш корабль под аркой зелени в тихий, узкий рукав, нависая угрожающей массой над самыми бортами. Мы вписывались на развороте в эллипс залива, оставляя под днищем десять спасительных сантиметров воды, отделявших корпус от желтого, как дыня, ила. И ко-

ДВА ПОКОЛЕНИЯ КРАСНОФЛОТЦЕВ.

УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА.

ОТРАБАТЫВАЕТСЯ
НЕШТАТНАЯ
СИТУАЦИЯ.

мандир отсчитывал пеленг до цели, маячившей на гребне далекого берега. А потом мы шли ночью на «самом малом», прижимаясь к фиолетово-черной береговой тени, без огней, чтобы нас не засек «противник». И слушали реку, невольно вздрагивая при каждом всплеске.

Тогда я понял, что одна и та же река бывает разной и должна быть такой. Потому что река — не только водное русло определенной протяженности, ширины и скорости течения. Все зависит от состояния людей. Для большинства из нас Дунай — просто река, соединяющая берега европейских стран, и лишь для немногих это пограничный рубеж, за неприкосновенность и покой которого они ответственны.

Но что же это все-таки за категория такая — артиллерийские катера, сохранявшие статус необходимых боевых единиц в наше время атомных подводных лодок и авианесущих крейсеров?

Время и опыт — лучшие из конструкторов. Немало всякого рода военных кораблей несло службу на Дунае только за последний век — мощные мониторы, миноносцы, тральщики и легкие эсминцы, сторожевые и торпедные катера, тендеры и мотоботы. История сохранила добрую память о всех, ибо боевые задачи, на них возлагавшиеся, они решали в полную меру своих возмож-

ностей. Но наиболее приемлемым, оптимальным военным кораблем речной прописки был признан маневренный, отлично вооруженный, быстрый, надежно защищенный броней артиллерийский катер. Эти небольшие по размеру суда унаследовали в своей конструкции и оснащении лучшие черты их предшественников — бронекатеров военной поры, а их гвардейские экипажи — немеркнущие традиции моряков-катерников. Хотя в настоящее время дунайской флотилии нет, но традиции моряков-дунайцев живы и сегодня.

...Плотно прижавшись друг к другу бортами, артиллерийские катера стояли у причала, как солдаты, в одну шеренгу, уткнувшись носами в берег. Низкие борта, невысокие надстройки, полусферы носовых артиллерийских установок, зачехленные глазницы прожекторов, вздернутые к небу стволы зениток, серые, под цвет осенней воды, корпуса. В их облике все пропорционально, строго, предельно экономно. Каждая скоба, каждый кранец, каждый квадратный дециметр палубы — для практических нужд, для совершенно определенных целей. Запас жизненного пространства — минимальный, зато во всем ощущаются высочайшая прочность, скрытая мощь.

Мы медленно идем по причалу. Мой спутник — бывший дунаец, Герой Советского Союза Константин

КОМАНДИР
АРТКАТЕРА
ГВАРДИИ
КАПИТАН
ЛЕЙТЕНАНТ
БЕЛЕНКО.

«ВАС ПОНЯЛИ»

Иванович Воробьев, капитан I ранга в отставке. Он приехал издалека. Будет встречаться с экипажами, рассказывать о пережитом. Но для начала решил пройти по памятным ему местам, вспомнить... Воробьев прислоняется плечом к дереву, расстегивает китель.

— Нам тогда бы такие...
«Тогда» — это под Сталинградом, где лейтенант Воробьев принял под командование бронекатер под номером 33, вооруженный двумя взятыми из музея пушками калибра 76 миллиметров каждая и пулеметами.

ОТ СТАНЦИИ ЮНОСТЬ ДО СТАНЦИИ ЗРЕЛОСТЬ

Натан ЗЛОТНИКОВ

ВЕСНА

Никому не известно,
Какого числа
Снег исчез повсеместно,
А дочь подросла.
Глуше сердца удары.
Ты смущен или горд,
Слыша новой гитары
Тот же, прежний аккорд?
Ты сыграл бы иначе?
Ты и сам хоть куда?
Но хохочет и плачет
Над тобою вода,
Что летит вдоль оврага
Легко-тяжело,
Та же вешняя тяга
Ставит птиц на крыло.
Ах, была бы охота
И слушать, и петь...
Нежных струн позолота,
Суровая медь.
Городские стрекозы.
Марта гулкий манок.
Смех. Внезапные слезы.
Долгожданный звонок.
Тайный зов телефона
Унесет в провода
Грусть притворного стога,
Шепоточек стыда.
И встает выпускница
С гребешком к зеркалам,
Счастья вешняя птица:
Страх и страсть пополам.

ТАМ, ГДЕ ОНА, СНЕГА...

Когда довью до дна
Всю радость, все невзгоды,
Мне женщина одна
Привидится сквозь годы.
Там, где она, снега
Идут все круче, круче,
И жизнь недорога,
Хотя забвенье лучше.
Неужто, неужель
Замкнулось время? Или
Уж больно крепок хмель
Того, что с ней испили?
Полярный городок.
Знакомство скуки ради.
Спокойный холодок,
И стыд, и жар во взгляде.
Уж нет, не позовут
Туда, где запах стирки,
Студенческий уют
Учительской квартирки,
Туда, где до сих пор
Я молод перед нею,
Несу какой-то вздор,
Не от вина пьянею.

СЕВЕРНЫЙ РОМАН

Почему, когда о Севере —
Вечно слышу скрип саней?
Как прощали мне, как верили!
Был я сам себя сильнее.
Верили, прощали сызнова.
Что прощали? Невдомек.
Путь по кромке льда капризного
Страшноват, хоть недалек.
Утро солнечной полоскою,
Свежим контуром огня
Обвело вершины плоские,
Низкий берег, круп коня.
Дорожил словами поздними
В ранний час близ тех вершин.
Долго-долго за полюсами
След укатанный спешил.
Под пуховой шалью в инее
Цвел румянец, как ожог.
И напрасно шли две линии
В молодой еще снежок.

ПОВТОРЫ

Еще мне возвращаться рано
Туда, где я и стар, и сед,
Где громко капает из крана
Вода военных первых лет.
Я видел мир во мгле и мраке.
И пусть не долетел свинец,
Но голод истязал в бараке,
Где мерз чуть видный каганец.
Смотрел на пламя я бессонно,
Как будет впредь, как было встарь,
Гремел завод, а с полигона
Неслась пороховая гарь.
Когда жестокие уроки
Судьба додиктовала мне,
Я пережил земные сроки,
Осталось жизни чуть, на дне.
Как в затихающем подранке,
Что на воде студеной лег.
Как масла скудного в жестянке,
Где плавал тусклый фитилек.
Но сердце все ж таки согрелось,
И время повернуло вспять,
Чтоб юность я узнал и зрелость.
А старость мне зачем опять?..

КЛИНОК

Он узором разукрашен густо,
Тяжек легкой тяжестью живой,
И темнеет мета Златоуста
Перед рукояткою кривой.

И струится тихо золоченье
Сквозь покой булата изнутри,
Словно осторожное свеченье
Предрасветной молодой зари.

Хорошо, что в молодости краткой
Этой красотой не пренебрег,
В тайну стали заглянул украдкой
И урок запомнил, и упрек.

Мастер мастерство свое не прячет,
Цену знает и добру, и злу.
Не корысти служит, не удаче —
Служит красоте и ремеслу.

В темном цехе у гудящей печи,
Где вина красной бродил металл,
Я дрожал ознобом жаркой сечи
И в поту любовном трепетал,
Чтобы лезвие сверкнуло тонко,
Добрый — веру, злым внушая страх,
Чтобы осторожно, как ребенка,
Я клинок баюкал на руках.

ТЕПЛОХОД В МОРЕ

Открыты дансинги и бары,
Шумит веселье на борту.
А море мерно шлет удары,
Меняет милю на версту.
И все задристей погодка —
Сигнал уж принят штормовой, —
И все мористее походка
У судна по волне кривой.
Что тянет нас? Мы здесь. Мы в сборе.

У Родины есть эта власть.
Орган так не звучит в соборе,
Как буря в море, в сердце страсть.
Отсюда мы! Для всех чужбина —
Крутые берега земель.
Спокойствия полна пучина,
Забывтая, как колыбель.
Но дальний знал, знал близкий предок:
Здесь страсть, а не случайный флирт,

И воздух над водою крепок,
Как слабо разведенный спирт.
На море издавна похожи
Холмы и горы, степь и лес,
Все, что печалит в день погожий,
Возносит в хмурый до небес.
Что вечно, потому что зыбко,
Как тяга к женщине родной,
Чья после сна светла улыбка,
Пусть даже этот сон дурной.

НАПОМИНАНИЕ

Полыни запах, запах чебреца
Над знойною дорогой без конца.
Мы гнали в Керчь и пролетели мимо
Сухого марева степного Крыма.
Шел от асфальта жар, как от печи,
И он прожог подошвы нам в Керчи,
Где после гонки, словно после взрыва,
Парома молча ждали у пролива.
Вода была, как «ранней виры» гроздь,
Зеленой и прозрачною насквозь.
Но смутный расставания осадок
Горчил сильнее, хоть виноград был сладок.

Казалось бы, сполна платил я дань
Дороге... Только впереди Тамань!
Там за паромной плоскою водою
Упыюсь я прозой вечно молодой.
Там путь на юг, там реет у лица
Полыни запах, запах чебреца,
Как душное дыханье мирозданья,
Что пили мы в час первого свиданья.

КРАСКИ

Г. В. Санячуку

Зачем художник приручает краски,
Как певчих птиц?
Зачем всегда чурается подсказки
Ученых лиц?
Он слышит посвист, щебетанье, пенье.
И что ни цвет,
То свежий голос, нор, оперенье —
И взор согрет.
А краски, что давным-давно все спели,
Другим, другим,
Вновь молоды назло всей канители
И лет, и зим.
Звучат правдиво слаженные хоры,
И кисть сильна —
Послушны степи ей, леса, и горы,
И времена.

ПРООБРАЗ

Вблизи Оки и Волги Монферран
Поставил малый храм. Он был моделью
Исакия, и времени буран
Жег оба купола жарой, грозой, метелью.
Летал нижегородский говорок
Под первым,
Под вторым змеились речи
Вельмож. И разом святость и порок
Под тем и этим возжигали свечи.
И все ж прообраз с образом не схож,
Хоть возводились на единой вере,
Одни лекала в дело шли... И все ж
Причина скрыта, видно, не в размере.
Но в чем же? Даже гений извозка
Взглянул лишь мельком и вздохнул,
как всякий,
Как будто бы узрел издалека
Знакомый и таинственный Исакий.

В ТАЛЛИНЕ

Чего это ради
Я вспомнил уют деревень,
На Вышгород глядя,
Прихлебывая глинтвейн?
Там, не в глухомани,
А лишь от тебя вдалеке
Проехали сани
По темной пустынной реке.
Я вспомнил след волка
Вдоль зимника с хвойной трухой.
И ты приумолкла,
Пугаясь дороги глухой.
Ты жалась на стуле
И зябло плечом повела.
Что? Вьюги задули,
В ночи раскалясь добела?
Что? Холод крошечный
Всю душу пронзает насквозь?..
Не бойся, я здешний
В краях тех. А в этих я гость.
И ты не устала
Быть рядом и рядом не быть.
Но разве так мало
Пригубить, отведать, испить
Горячий напиток
Холодных остзейских земель
И силы избыток,
Что греет сильнее, чем хмель?

ЗЕЛЕНАЯ ПАМЯТЬ О ЛЕТЕ

Зеленая память о лете,
Чем ближе весна, тем живей —
Шум листьев на зимнем рассвете
Среди оголенных ветвей.
Что будет, о том вспоминает
Природа, как дети урок:
Листва загорится иная,
И лето наступит в свой срок.
Хоть песни метели не слеты
И грозно гудит снегопад,
Деревья надеждой согреты:
Им чудится, пчелы гудят.
Далеко до теплого берега,
И самый разгар холодов,
Но ветви, огузнув от снега,
Все грезят про тяжесть плодов.
Стремление мальчика к риску
Живет в нем едва ль не с пелен.
И девочке путь к материнству
Заранее определен.
А если уж сорок за сорок,
Грядет не уход, но возврат,
И видно, не зря дальний взорок
Скользкий вдоль времени взгляд.
Осталась ведь самая малость
До дней, где листья зелена.
И слушает, слушает старость,
Как детство шумит и весна.

ОРЕШНИК

За дальним лесом высится гора.
Быть может,
Там еще не смолкло эхо,
Которое оставили вчера
Навеки среди зарослей ореха.
Счастливые звучали голоса
В орешнике
Невозвратимой встречи,
Где черная пугливая коза
Несла рога витые, словно свечи.
Еще целебный воздух не остыл
От жаркого дыханья поцелуя,
Еще в речонке взбаламучен ил,
Где шел он вброд, подняв ее, ликуя.
И тень еще готова по пятам
Бежать вослед,
Томиться на привале.
Еще орешник ждет вдвоем их там,
Где после только врозь они бывали.

В ЧАШЕ

Чем дальше от опушки в лес,
Тем гуще сумерки и хвоя,
Ты растворился, ты исчез,
Как исчезает все живое.
Петляние подземных вод,
Движение древесных соков
К твоей душе отыщут ход,
Ты — суть пространств
И вечных сроков.
Но не захочешь, чтоб скорей
Шло время, заполнялись соты,
Росло потомство у зверей,
Вершились птичьим перелетом.
Природы выучив урок,
И постоянства, и героизма,
Ни ель, ни птица, ни зверек
Не переимут наши свойства,
Телам, живущим во весь мах,
Стремлениям, что так конкретны,
Небытия неведом страх,
И потому их души смертны.

ПРОЗРАЧНОСТЬ

важен для молодого человека, особенно творческой профессии, выбор наставника, того, кто поставит голос, отточит резец, направит кисть. Н. К. Рерих — личность необычайно яркая, властно подчиняющая всех своей самобытностью, и в то же время деликатная, тонкая. Николай Константинович ценил и уважал в человеке самостоятельность мышления и творческую индивидуальность. Он и к природе относился как к людям — самостоятельно осмысливая ее, одушевляя, оживляя натуру. В искусстве ему была интересна не столько первооснова, сколько философское, духовное содержание произведения.

В четырнадцать лет я впервые прочитал маленькую книжечку о творчестве и жизни Н. К. Рериха. Но даже по черно-белым репродукциям в той книжке я сердцем понял картины Рериха. Меня особенно поразило небо: живое, открытое, с

ИЗ ЦИКЛА «АЛТАЙ». «БЕЛУХА. ТУМАН НАД ОЗЕРОМ». 1983.

«ПСКОВ. ПОКРОВСКАЯ БАШНЯ». 1984.

Крымская весна в Коктебеле дарит ежедневную радость первооткрытий: лиловые водопады глициний, тайну матового полупрозрачного сердолика, дымные лучи солнца, падающие сквозь полог листьев и освещающие зеленым светом розовые чаши пионов. А по ночам в лунном свете таинственно сияет Святая гора, тяжело, темной громадой сутулится Карадаг.

Все, что увидела в ту щедрую крымскую весну, я пережила еще раз в музее Судака на выставке картин художника Бориса Алексеевича Смирнова-Русецкого. Все было то же, но, преображенное взглядом художника, приобрело особую значимость, одушевленность.

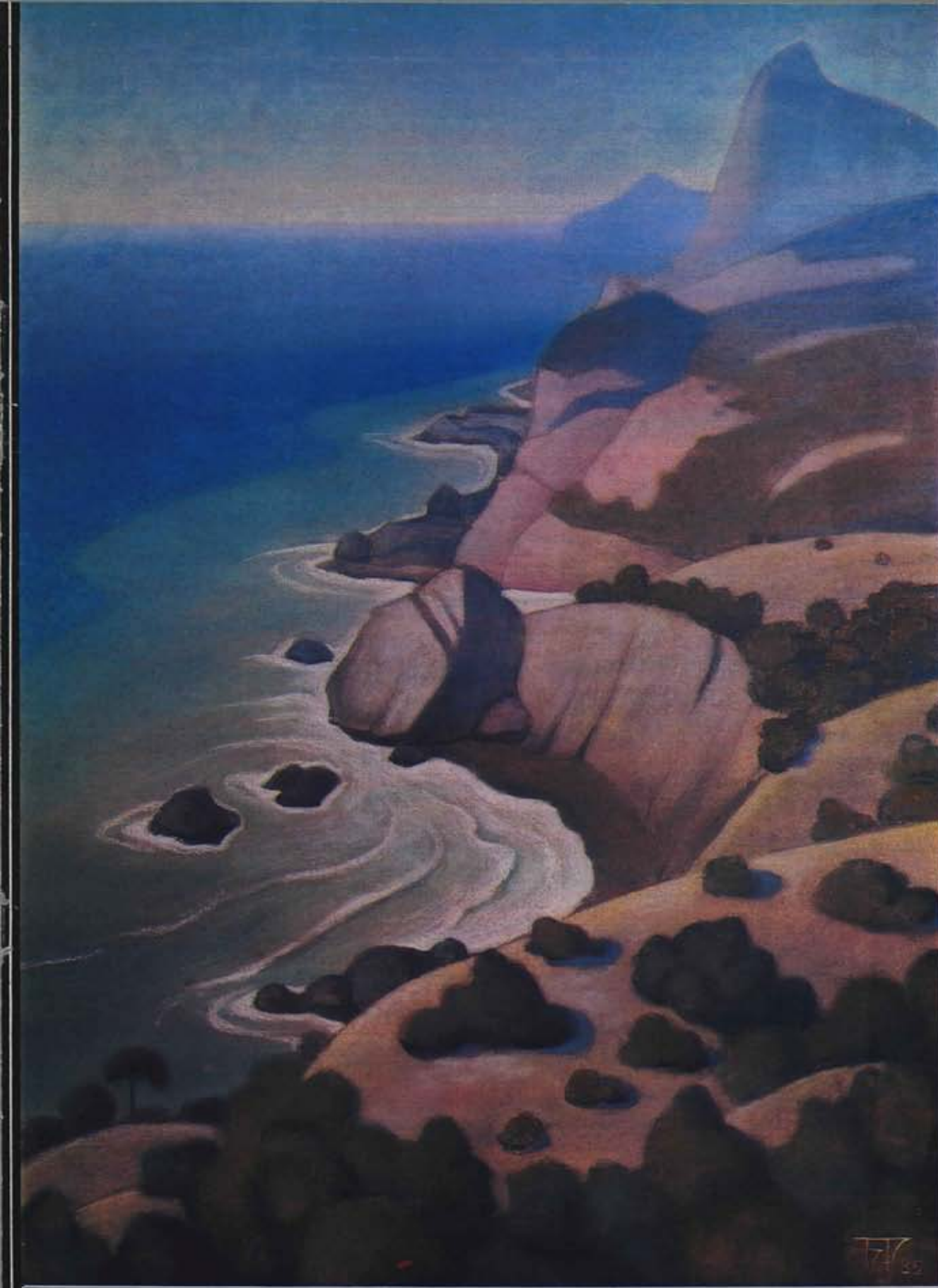
«Творчество человека созвучно творчеству природы», — считает Смирнов-Русецкий. Он относится к природе не как покоритель, он ее собеседник, со-автор, со-трудник. Для Смирнова-Русецкого это не только художническое кредо, но категория этическая, нравственная.

Когда смотришь на полотна Б. А. Смирнова-Русецкого или беседуешь с художником, видишь в нем достойного ученика Н. К. Рериха и думаешь, что человек этот сумел остаться на всю жизнь настоящим благодарным и преданным учителем и в то же время сохранить свой самостоятельный стиль, свою индивидуальность.

— Я часто думаю о том, как

ИЗ ЦИКЛА «СЕВЕР». «СУМЕРКИ НАДВИГАЮТСЯ». 1982.

щем, считал, что дружба России с Индией послужит надежным щитом в борьбе за мир.

И все-таки главным моим учителем оказалась сама жизнь. Двадцатые годы — время революционных преобразований, когда формировалось и мое мировоззрение. Я вспоминаю годы юности как время ненасытной погони за новыми знаниями. Мой интерес к театру, литературе, живописи, музыке в те годы только разгорался. Наверное, от Чюрлениса, творчество которого стало мне очень близко, пришло умение выразить себя и в звуках, и в цвете. В своих первых картинах я пытался показать музыкальность природы: от осеннего увядания к зимней прозрачности. Тогда же возник цикл «Прозрачность», над которым продолжается работа и сегодня, — настолько увлекает меня образ ясности души и мира, открытости мыслей и чувств.

«Рассвет» (1976 г.). Трогательна незащищенность, доверительность первых мартовских дней. Чиста и прозрачна природа; все суетное, незначительное ушло, все дышит ожиданием рассвета. Картина написана пастелью, выдержана в голубовато-серых тонах; кисть мастера изящна и легка.

— Жизнь человека состоит как бы из ступеней, и каждая ведет его к самосовершенствованию, к самопознанию... Картину, наиболее близкую мне самому, я назвал «Ступени»... Между двумя космическими полушариями, озаренными лучами света, восходят ступени, как бы выражающие бесконечность Вселенной.

ИЗ ЦИКЛА «КРЫМ». «СУДАК. ПРИВОЙ». 1985.

ИЗ ЦИКЛА «СЕВЕР». «СТУПЕНИ СКАЛ». 1985.

облаками, дарящими радость или грозящими бедой; я их старательно и взволнованно перерисовывал.

В 1926 году, когда семья Рерихов приехала в Москву, мне и моим друзьям удалось встретиться с этим замечательным художником, ученым, общественным деятелем. Обращаясь к нам, он говорил, что молодежи Советской страны придется много работать. Относясь к творческому труду как к преобразующему началу, он утверждал: «Ожидайте, что духовные идеалы придут к нам, когда мы умножим качество своего труда. Дисциплина труда должна стать крыльями, а не цепями». Он знал прошлое и настоящее России, предвидел ее ведущую роль в буду-

ИЗ ЦИКЛА «КОСМОС». «ВОЛЬШАЯ ТУМАННОСТЬ ОРИОНА». 1977.

Где-то здесь, на средних звеньях космической лестницы, находимся мы, люди. Отсюда мы видим беспредельность жизни, ее синтез, красоту и гармонию. Здесь, на космических путях, мы трудимся и осознаем себя. «В каждом из нас, — говорил Н. К. Рерих, — живет ощущение космической близости».

Ему всегда были интересны гуманитарные науки, искусство, литература. Но жизнь повернулась по-другому — он стал инженером, преподавал металлургию в МВТУ имени Баумана.

— Я многому научился тогда, от 26 до 36 лет, за десятилетие практического труда. Чувствовал, как во мне шло интенсивное развитие рационального мышления. Искусству отдавал свободное время, уплотнял время за счет сна, отдыха. Такое соединение труда умственного,

Жизнь Николая Баумана подобна огненной комете, оставляющей яркий след. Об этом книга В. Новикова, которую не перескажешь, — ее нужно прочесть.

Анна ПЕТРОВА

Былого ищут следы...

«Гордые следы»

«Я призываю, я ратую за Любопытство! За Любопытство — к делам, к заслугам отцов и дедов наших, к славному прошлому отечества! За Любопытство, которое поможет преодолеть подчас леность нашу, леность к памяти дней давних...»

В этих словах сосредоточен тот духовный и душевный посыл, которому бывает обязана рождением всякая книга.

«Былого ищут следы...» Еврафа Кончина («Московский рабочий», 1984 г.) — собрание очерков. За каждым из них многолетний, многотрудный, многолюдный поиск. Прослеживает ли автор затейливые пути сквозь годы и века затерянных портретов Пушкина или Суворова, легендарной скрипки Маджини или альбома Вильгельмских, портрета Дашковой или других исторических ценностей, его непременно ожидает удача. Да, удача, более того — успех, хотя скрипку Маджини и альбом отыскать ему так и не удалось. Почему же тогда успех? Да потому что каждый поиск сам по себе одаривает автора знакомством с интереснейшими людьми, позволяет прикоснуться к судьбе страны, ощутить живое дыхание старины, чьи «гордые следы», говоря словами Пушкина, еще сохранились и доселе.

Один из самых горьких упреков Пушкина своим современникам звучит так: «Мы ленивы и нелюбопытны». Не забудем его. Будем внимательны и бережны не только к прошлому, отделенному от нас веками, но и к тому, свидетели которого живут вместе с нами. Книга Кончина и об этом. Как взволнованы и интересны те ее странички, в которых рассказывает о подвиге музейных работников во время войны! Эти люди испытали жесточайшие лишения, рисковали жизнью, спасая шедевры русской культуры в Новонерусалимском монастыре, который был буквально начинен минами. 500 мин обнаружили потом на его территории. По сотне на каждого музейного работника. Но люди работали. Они знали, что культурные ценности народа бесценны и потому должны быть бессмертны.

Увлекательны сюжеты поисков Е. Кончина, удивительна его эрудиция, позволяющая легко и естественно перебираться из одной исторической эпохи в другую. Порой может показаться суховатой избранная автором манера изложения богатейшего материала. Но, думается, это сознательный, намеренный ход, потому как автор полностью доверяет своему материалу, верит в его интересность и увлекательность, потому и не дает излишне разбежаться перу, не прибегает ни к каким украшательствам, не проясняющим, а размывающим смысл. Закрыв эту книгу, еще долго не можешь избавиться от недовольства собой: ведь и я могу знать больше о том, что было, о днях давних. Так хватит лениться, будем любопытны!

Игорь МИТИН

Читатель — «Смена» — читатель

ГОРЬКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Михаил ЛАРИЧЕВ

Это письмо прислал в редакцию человек, который долгое время работает в одном из исправительных учреждений МВД. Каждый день он общается с людьми, совершившими преступление, перевоспитывает, старается направить их на правильную жизненную дорогу. В письме он пишет о судьбе в общем-то обыкновенного, каких тысячи, подростка, чей путь к преступлению начался с «невинной» рюмки спиртного. Пять лет провел парень в колонии, было время подумать о своей жизни. К каким же выводам он пришел?..

Простой, бесхитростный рассказ. Но в нем затронуты очень острые, злободневные вопросы антиалкогольного воспитания юношества. Вот почему мы не сомневаемся, что мнение автора письма будет интересно всем читателям.

Александра — фамилию его называть не буду — среди этих молодых парней в черной рабочей форме с инициалами на груди сразу узнаешь, поскольку выглядит он значительно моложе других, да и ростом невысокий, и телосложение не назовешь крепким. Даже как-то не верится, что именно к нему, Саше, относятся эти строки приговора: «Совершил нападением в нетрезвом состоянии на несовершеннолетнего Н., нанес ему тяжкие телесные повреждения, а затем ограбил его. С места происшествия пытался скрыться».

Финал, как всегда, закономерен и печален, а в данном случае — суров и справедлив: 5 лет лишения свободы. А ведь преступник учился в 9-м классе, в общем-то мальчишка.

Ничем не примечательная биография. Что ж, Саша, поговорим, вспомним все по порядку.

Начнем с того, что ты окончил восьмилетку. Окончил, можно сказать, успешно: немного троек, немного пятерок, а большинство четверки, в общем, классический школьный середняк. Учился ты в городе, где родился. Рос в порядочной рабочей семье. На лето решил немного подзаработать, купить кое-что из одежды да и «узнать цену копейки», как говорили мать и отец.

Работал на стройке, да жаль, не вместе с отцом, который и сейчас честно, добросовестно трудится, а вместе с друзьями из дворовой компании. Получил зарплату — дрожали руки от волнения: таких денег сам еще никогда не имел. А тут друзья: «Санек, первую получку надо «замочить». Побежал ты, Саша, по-шустрому как самый молодой в ближайший магазин, закупил на радость и водки, и вина разных сортов, но больше известных под названием «бормотуха». Хотелось угостить товарищей от души.

Последствия... Еле дошел домой, отдал матери деньги, пьяно извинившись: «Ма, понимаешь, получка была». А утром еле-еле ушел на работу. Там же, прямо на стройплощадке, и опохмелился вместе со старшими — благо режим работы магазинов этому способствовал.

Потом все это повторилось, и не раз: «Что, Санек, врежем по махонькой, а?» Отказываться сначала было неудобно, вскоре и вовсе втянулся: ведь за бутылкой ты чувствовал себя равным среди ребят постарше.

От второй полочки матери отдал только половину, от последней, августовской, тоже. Все остальное ушло на спиртное. Тут бы всполошиться родителям, забить тревогу, да все недосуг: то в деревню ездили, то другие дела были. А самому тебе, Саша, уже нравилось ходить навеселе: на танцах, казалось, прибавлялось смелости, к девушкам можно подходить, не стесняясь.

Пить Саша старался умно, чтобы не заметили ни родители, ни учителя. Вместе с вином вошел в его жизнь и обман. Появилось желание выпить по любому поводу, в любой компании.

Так началась твоя двойная жизнь, Саша! Одна в школе, другая — в компании, где все друзья были старше на 2—3 года, а «главшпан», как называл себя ваш уличный предводитель Витек, уже успел побывать в местах не столь отдаленных. Времени года для вас не существовало, господствовало одно желание — «вмазать», «кирнуть», «бухнуть», словом, синонимов хоть отбавляй, а содержание одно — выпить.

Начались пропуски занятий и те страшные дела, которые затем привели тебя, Александр, на скамью подсудимых. Вначале попрошайничество, затем отбирание денег у школьников, а дальше еще страшнее — грабеж таких же, как и ты, сверстников (на взрослых посягнуть боялись).

Сейчас даже стыдно вспомнить об этом. Ты подходил к какому-нибудь мальчику, угрожающе доставал нож и цедил сквозь зубы: «Гони монету». «Добыча», как правило, была невелика —

рубль, а то и просто мелочь, только один раз попалась десятка. Добытое немедленно пускалось в ход: шло на покупку «бормотухи», столь ценной в вашем кругу.

Наступил ваш последний вечер. Как всегда, выпили — показало мало. Цинично сверкнув рандолевым зубом, «главшпан» сказал: «Санек, не мешало бы прошвырнуться». Ты и отправился на «дело» — на поиски денег.

«Объект» подыскал быстро. Парнишка примерно твоего же возраста спешил домой. Неслышно ты пошел за ним, компания — следом. В подворотне догнал.

— Постой, поговорить надо. — И угрожающе вытащил нож. А недалеко ждали друзья, парень их тоже заметил.

— У меня ничего нет, — ответил он тебе.

Пьяные пары алкоголя помutilи разум, да и дружки нетерпеливо поджидали рядом...

— Сейчас будут, — злобно пробормотал ты и ударил парнишку. Тот, не ожидая удара, упал, и ты, Александр, начал бить его ногами, остервенело, беспощадно, хотя трезвый этого никогда бы не сделал. А потом уже, когда он был без чувств, начал шарить по карманам. Ужас — в карманах действительно ничего не было, ни единого медяка, лишь проездной билет.

Ты бросился бежать, поскольку дружки уже смылись, но было поздно — подоспела милиция.

Следствие, суд. Для многих, в том числе и для родителей, и учителей, твое преступление, пьянство да и все похождения вашей «капеллы» были неожиданным.

Новый год, а затем семнадцатилетие, восемнадцатилетие и последующие дни рождения пришлось тебе, Саша, встретить не дома с родителями и друзьями, а в воспитательно-трудовой колонии, а потом и в ИТК усиленного режима.

Знаю, много раз ты слышал горькие признания твоих новых товарищей по местам лишения свободы: «Зачем я тогда пил?», «Если бы не та, последняя, бутылка», «Напились, а что делал, не помню». Проклятие спиртному, приведем эти людей сюда, в колонию. Вот и ты одобряешь меры, принятые по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом. И вроде бы искренне. Да и неудивительно — ведь тебе уже 22 года.

С твоего согласия я просмотрел зачитанные тобой, потертые на сгибах письма. Почерк один — мамин. Никто тебе больше не писал. Друзья из «капеллы» тоже угодили на скамью подсудимых, а с одноклассниками ты в том злопамятном году разошелся чересчур далеко. А ведь тебе интересно узнать о них. Расскажу, что знаю. Сергей, твой сосед по парте, заканчивает военное училище, скоро будет офицером. Коля отслужил срочную в Афганистане, награжден боевой медалью. Вася, который, кстати, как ты сам говоришь, учился не лучше тебя, заканчивает мореходку. Игорь работает на стройке вместе с твоим отцом.

Вот такие, как ты выражаешься, «пирогии». Завидуешь теперь ребятам? Впрочем, эти годы в колонии прошли для тебя не впустую. Сумел окончить 11 классов вечерней школы, ПТУ — получил специальность слесаря. И поощрений у тебя немало: за выполнение плана, за участие в общественной жизни. Так что задел для честной жизни на свободе у тебя неплохой. И здесь, в колонии, как видишь, государство не оставило тебя, как и других, преступивших черту закона, без внимания и поддержки.

Вновь и вновь я вчитываюсь в строки постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Перед глазами мысленно проходит целая вереница таких же, как ты, Саша, парней. Не успевших еще окончить школу, ПТУ, техникум, не успевших даже отметить свое совершеннолетие, но слишком рано начавших «дружку» со спиртным, этим пособником чуть ли не каждого преступления.

Через полгода, Саша, ты выходишь на свободу. Каковы твои планы? Ты хочешь пойти на завод, слесарничать. Что ж, выбор, думаю, правильный. Надеюсь, что ты станешь добросовестным, квалифицированным работником, будешь у тебя и хорошие друзья. Но не торопись забывать о своем прошлом. Пусть оно послужит тебе горьким, но серьезным уроком на всю жизнь.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Пособником преступления справедливо называет выпивку автор опубликованных заметок М. Ларичев. О многом заставляют задуматься его размышления о непростой судьбе воспитанника колонии, подростком попавшего на скамью подсудимых. Да, тяжесть содеянного парнем очевидна, но только ли он виноват в том, что с ним произошло!

Этот вопрос к вам, уважаемые читатели.

ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ— УВИДЕТЬ

НИКОЛАЙ МЕРЗЛЯКОВ:
«ОТ РЕНТГЕНОВСКОЙ СЪЕМКИ
ДО КОСМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ —
ТАКОВ ВОЗМОЖНЫЙ ДИАПАЗОН
ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГОЛОГРАФИИ»

Илья ВАЙС.

Фото Александра ЕФРЕМОВА

Иду на улицу Ермоловой смотреть фильм. Составишь компанию! — позвонил приятель.

— Я уже видел.

— Э нет, ты андел старый, а у нового, кстати, тех же авторов, сюжет совсем иной.

Спрашивать, о чем фильм, я не стал. И не потому даже, что любое произведение искусства пересказать нельзя. Просто фильмы, посмотреть которые приезжают гости из-за рубежа, в прямом смысле ни о чем. «Главные роли» эффектно исполняют... объекты, которых в действительности нет.

Пора внести ясность. «Иннозал» — это лаборатория цифровой оптики Института проблем передачи информации Академии наук СССР. Сценаристы, постановщики, а заодно и кинооператоры — Николай Мерзляков, старший научный сотрудник, кандидат технических наук, и Виктор Карнаухов, младший научный сотрудник и тоже кандидат технических наук. Произведением не столько искусства, сколько науки и техники создано ими под руководством доктора физико-математических наук Л. П. Ярославского. Фильм — цифровой, голографический.

Сама по себе голография привычной в нашей жизни еще не стала, но знаешь она многим; на выставках голографические экспонаты собирают толпы людей. В лаборатории же, о которой идет речь, занимаются голографией цифровой. И не только голографией, но и вообще цифровыми методами передачи самой разнообразной информации.

— Почему в последнее время все большее внимание специалистов привлекают цифровые методы, которые в будущем обещают вытеснить многие традиционные! — размышляет Николай Мерзляков. — Дело тут вот в чем. Когда мы из одного пункта передаем сам сигнал — оптический, телевизионный или звуковой, а в другом пункте принимаем, то в пути он «портится»: искажается, загрязняется помехами, слабеет. Порой он становится просто-напросто не похож на себя. А теперь представьте другой вариант: сигнал, все его характеристики зашифровываем математически и вместо самого сигнала передаем цифры. А в пункте приема их опять переводим в звук или изображение. Никакие «дорожные» передряги не могут повлиять на такое цифровое послание...

Что же касается главного дела Николая — цифровой голографии, то перед ней ложатся необозримые перспективы. Она способна представить человеку любой объект (как уже сказано, даже несуществующий) в точно таком виде, как будто бы он прямо перед нами, на ладони.

...Пространство комнаты пронзает красный луч лазера. Вращается прозрачный барабан, и сквозь него завороченный зритель видит крутящиеся шары. Вот они, в объеме, четком изображении, кажется, протяни руку — и дотронешься. Но барабан пуст... Фильм идет несколько секунд, но люди не отходят от барабана и по полчаса; одного сеанса мало...

Пока голографические фильмы, созданные в институте, дадут вперед только саму науку. Но областей приложения у этих исследований множество: космическая связь, рентгеновская съемка.

Мы с вами побывали только в одной из лабораторий института. Но его сотрудники изучают и многие другие проблемы: машинного зрения, передачи информации на молекулярном уровне, в электронно-вычислительных системах... Подземные кладовые минерального сырья и изменения в живом организме, пульсация неведомых звезд и процессы в микромире — все это человеку надо видеть. Видеть, чтобы познать!

Итак, пройдя «приготовительный класс» езды на мопеде или мокике (о них «Смена» писала в №№ 8 и 11 этого года), вы поступаете в «начальную мотоциклетную школу». И предметом, который вы станете здесь изучать, прежде всего окажется мотоцикл с маркой Минского мотовело-завода — ММВЗ. Отнеситесь к нему со всей серьезностью: ведь в отличие от мопеда или мокика он способен перевозить не только вас, но и пассажира, уверенно держаться в напряженном транспортном потоке, не уступая в динамике движения автомобилям. Для тысячекilометровых пробегов через полстраны «Мински» пожалуй, легковат, а вот путешествие в несколько сот километров на нем — дело вполне реальное.

Вот анкетные данные машины: 125 кубических сантиметров рабочего объема цилиндров, 12 лошадиных сил, или, если брать в более современных единицах, девять киловатт мощности, 150 килограммов полезной нагрузки при собственной массе сто четыре, максимальная скорость — 100 километров в час.

У минского мотоцикла мотор простейшей конструкции, двухтактный, одноцилиндровый, с воздушным охлаждением. Двигатель умеренно расходует топливо, не слишком шумен. Правда, характеристика его такова, что на затяжном подъеме, при сильном встречном ветре сразу приходится переходить на низшую передачу (коробка передач у мотоцикла четырехступенчатая).

С нынешнего года у мотоциклов 12-вольтовое электрооборудование: фара по силе света не уступает автомобильной, да и фонари стали эффективнее. На мотоцикл ставят генератор переменного тока, стало быть, нет аккумулятора и связанных с ним хлопот.

Мотоцикл, сходящий с конвейера в 1985 году,

по сути, прямой потомок того, который начали выпускать здесь в 1951-м, так сказать, результат многолетней эволюции.

Модель чрезвычайно проста в сравнении с нынешней машиной. Она имела неподдрессоренное заднее колесо, что придавало ей характерную «прыгучесть». Должно быть, за это качество мотоцикл и получил прозвище «макака». Прозвище вздорное, но саму машину мотолюбители вспоминают и сегодня с неизменной теплотой, ценя ее за неприхотливость, экономичность, легкость. Правда, и мощность ее была всего 4,5 лошадиной силы, но непритязательному мотоциклисту 50-х годов этого хватало. При всех плюсах современной машины невольно думается, что, приобретаемая один качества, она (и, конечно, ездки) «расплачивается» другими.

Точности ради скажем, что минская «макака» не была первой: ее производство передали в Минск из Москвы, где модель выпускали с 1946 года. В 1951 году минчане собрали 5 тысяч машин этого класса, сейчас ежегодно изготавливают почти 200 тысяч.

В это число входят не только дорожные, но и спортивные, и даже уникальные модели. Завод мелкими сериями делает мотоциклы для многодневных соревнований, кольцевых гонок, кросса. Имея в основе массовую, «конвейерную» модель, спортивные машины форсированы по мощности, а экипажная часть приспособлена к условиям определенного вида состязаний. Именно на таких машинах, поставляемых в организации ДОСААФ, молодежь овладевает техникой спортивной езды. Их возможности довольно высоки: скажем, в варианте для кольцевых гонок мощность достигает 24 лошадиных сил, а максимальная скорость — 160 километров в час.

Многих интересует: каковы же пределы мощности и скорости, достигнутые сегодня в классе 125 кубов? В гонках на «кольце» машины мощностью до 44 лошадиных сил развивают скорость почти 230 километров в час на прямых участках. О простоте спортивных моделей говорить не приходится: и у кроссовых, и у кольцевых — двигатели с жидкостным охлаждением, хитроумными клапанами и золотниками; у колес — дисковые тормоза с гидроприводом.

Класс до 125 кубиков весьма популярен в мотоспорте. В нем разыгрывают многоэтапные мировые чемпионаты по кроссу и кольцевым гонкам. Основная масса зарубежных кроссменов выступает на японских мотоциклах «Сузуки», «Хонда», «Ямаха», «Кавасаки». Удерживают позиции итальянские фирмы «Априлия», «Каджива», «Морбиделли». Подобные машины есть у нас: в институте ВНИИмотопром в Серпухове разработан кроссовый «Восток», который по своим параметрам весьма близок к мировому уровню. На этом мотоцикле советские кроссмены Аладу Сикк, Юрий Панов, Алексей Зорин трижды выигрвали Кубок дружбы социалистических стран в личном зачете, а сборная страны трижды одержала командную победу.

Неплохо показал себя на первых порах и 125-кубовый «кольцевой» «Восток». Его двухцилиндровый мотор с жидкостным охлаждением достигает мощности 27 киловатт.

Как видите, один из «младших» мотоциклетных классов весьма разнообразен: от простых, дешевых, массовых машин до уникальных скоростных. Они очень несхожи, но не разделены глупым барьером: цепочка технических достижений тянется от сложных конструкций к простым, от единичных к массовым, и каждая модель — звено этой цепочки. И не стоит огорчаться тем, что ваш «Минск» почти втрое слабее кроссового «Востока»; зато он во столько же раз мощнее послевоенного мотоцикла, который в истории советского мотостроения считается одной из классических машин.

Владимир АРКУША,
инженер.
Фото Владимира КНЯЗЕВА

ВЕТЕР

Скорость

В КОЛЕСАХ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ВЕРШИНЫ

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

Многие читатели, интересующиеся демографическими вопросами, но далекие от научной демографии, полагают, как это видно из писем в редакцию, что основные наши демографические проблемы решены. Действительно, в последние годы увеличились не только абсолютные, но и относительные показатели рождаемости и естественного прироста населения. Если в 1980 году на тысячу жителей пришлось 18,3 рождения, то в 1983-м — 19,8, а прирост за те же три года поднялся с 9 до 9,4 на тысячу. В 1983 году в стране появилось 5 миллионов 392 тысячи детей, то есть больше, чем в любом другом году после 1940-го. Это, конечно, несомненный успех демографической политики, намеченной XXVI съездом партии. Но решены ли все демографические проблемы? Попробуем разобраться.

Демографические волны

Итак, в 1983 году в стране родилось на 51 тысячу детей, или на один процент, больше, чем в 1960 году, когда их появилось на свет 5 миллионов 341 тысяча. Между этими двумя вершинами был глубокий провал: в 1967—1969 годах ежегодно рождалось всего по 4,1 миллиона человек. С 1970 года число рождений стабильно росло вплоть до 1983 года, а в 1984-м оно вновь стало несколько меньше — начался новый спад.

Последствия падения рождаемости ниже определенного уровня многочисленны и нежелательны. В частности, возникают проблемы обеспечения народного хозяйства трудовыми ресурсами, растут диспропорции между числом женихов и невест и т. д.

Если число рождений будет падать и дальше, то мы столкнемся с большими трудностями во втором десятилетии следующего века, когда из рабочего возраста будет выходить самое многочисленное в нашем населении поколение, рожденное в 50-е годы. Чрезвычайно важно не допустить крутого спуска, не повторить ситуацию 60-х годов. Но для этого нужно существенно поднять рождаемость. Сделать это может лишь молодежь.

Проблема рождаемости — это, по существу, проблема молодой семьи. Нынешняя молодая семья, к сожалению, *конфликтна, непрочна и малодетна*. Одна из причин ее малодетности как раз в том и заключается, что она конфликтна и непрочна. Укрепление молодой семьи, улучшение внутрисемейных отношений — важнейшие задачи нашей демографической политики.

Учение, труд, семья

Как известно, молодежь выполняет в обществе три главные функции:

- учится, то есть готовит себя к будущей деятельности;
- работает в народном хозяйстве;
- рожает и воспитывает детей.

Научно-техническая революция требует все больше времени и сил на общее и специальное образование. В середине 70-х годов страна перешла ко всеобщему среднему образованию молодежи. В настоящее время проводится реформа общеобразовательной и профессиональной школы, при которой средняя продолжительность обучения вновь значительно повышается.

Рост продолжительности образования ведет к более позднему достижению молодежью экономической самостоятельности, что, разумеется, сказывается на начале семейной жизни. Одни позднее вступают в брак, другие сильно зависят от «стариков», третьи испытывают существенные материальные трудности.

Но общество заинтересовано и в том, чтобы молодежь больше работала. Мы вступили в длительный период, когда в стране практически не будет прироста трудовых ресурсов. Однако дело не только в недостатке трудовых ресурсов. Дело в том, что молодежь в некоторых отношениях и наиболее ценная рабочая сила: самая образованная, мобильная, выносливая, лучше адаптирующаяся к новым условиям и т. д. Поэтому доля молодежи резко повышена в новых, быстро развивающихся отраслях народного хозяйства, в новых городах, районах нового хозяйственного освоения. Преимущественно молодежь осваивала целину, создавала Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, строила БАМ и т. д. Одним словом, молодежь — ударная сила общества.

Названные здесь три основные функции молодежи (а у мужской половины есть и четвертая — оборона страны) равноправны и взаимозаменяемы. Нельзя решать одни задачи за счет других. Нужно найти оптимальное сочетание этих функций, наилучшее распределение времени и сил молодежи между разными задачами. Эффективно совместить в одно и то же время учебу, работу в общественном хозяйстве и семейные функции, конечно, трудно. Однако многие совмещают две функции. Чаще всего одновременно работают и заводят детей. Реже, но тоже довольно часто, работают и учатся. Еще реже учатся и заводят детей. При одновременном выполнении разных функций страдает или одно, или другое, нередко и то, и другое.

В целом до сих пор более всего страдало выполнение демографических функций, что и проявилось в быстром и чрезмерном падении рождаемости, в конфликтности и непрочности семей, упущениях в воспитании детей. Как же уменьшить негативное влияние занятости учебой и трудом на демографическую ситуацию?

- Есть два главных пути:
- улучшение подготовки молодых людей к браку, рождению и воспитанию ими детей;
 - улучшение объективных условий жизни молодой семьи.

Нет нужды, видимо, много говорить о том, что удачная любовно-брачно-семейная жизнь — существеннейшая часть личного счастья человека. Если в этой сфере жизни у него «не получается», то обычно и все остальное в значительной мере обесценивается. Трудно быть счастливым, если несчастен в любви.

Так что с какой стороны ни взгляни, укрепление молодой семьи, гармонизация внутрисемейных отношений, снижение числа супружеских конфликтов — дело чрезвычайно важное.

В прошлом браки заключались, как правило, между людьми очень склонными, близкими во многих отношениях: по национальности, социальному положению, зажиточности, культурному уровню, то есть браки были, говоря научным языком, гомогенными, однородными.

Теперь молодые супружеские пары очень часто гетерогенны, разнородны. У мужа и жены могут быть разные национальности, социальное происхождение, культурное прошлое и т. д. Из-за чего и их установки относительно семейной жизни могут очень сильно и даже непримиримо различаться. А поскольку супруги равноправны, а жены, как правило, стремятся от равноправия к действительному равенству (то есть от равенства по праву, по закону, к равенству в жизни), насильное, волевым принуждением этих установок «к единому знаменателю» исключается. Одно это создает столь благодатную почву для семейных несогласий, размолвок и конфликтов.

Но изменилось не только это. Изменилась, в частности, и половая мораль.

Так, в недавнем прошлом сурово осуждалась и была редким исключением добрая половая жизнь женщины. В первый брак женщина должна была вступать девушкой. Семейные и общественные санкции за отступление от этого всеобщего правила были суровы.

Нынешние нравы несравненно вольнее. Это опять-таки хорошо известно. В последнее время появились даже специальные исследования, осуждающие доброе сексуальное поведение жительниц больших городов.

В миллионном уральском городе Перми были учтены все беременности не рожавших ранее женщин за год, за исключением, естественно, того, чего учесть было нельзя (например, беременности, закончившиеся искусственным абортom, не зарегистрированным в установленном порядке). Из них были исключены беременности, прерванные по медицинским показаниям, и самопроизвольные аборты.

Из каждой тысячи этих беременностей 272 завершились абортами, 140 родили вне брака (матери-одиночки), 271 родила в первые месяцы после заключения брака, то есть забеременела до брака (браки, стимулированные беременностью невесты), 317 родили, забеременев уже после вступления в брак. Добавим еще, что подавляющее большинство абортов было у незамужних.

По всем учитываемым нашей статистикой демографическим показателям Пермь — типичный большой город европейской части страны. Поэтому приведенные цифры можно считать достаточно представительными для больших городов. О чем они говорят?

Очень о многом. Во-первых, о том, что коренным образом изменилось доброе сексуальное поведение женщин: подавляющее большинство начинает половую жизнь до брака.

Во-вторых, о том, что слишком много браков вынужденных.

В-третьих, о том, что слишком много внебрачных детей.

Наконец, о том, что неблагополучно обстоит дело с противозачаточными средствами.

Разберем эти пункты по порядку.

Традиционная половая мораль была «двойной»: очень строгой для женщин и либеральной для мужчин. Теперь она стала единой. Женская половая мораль уподобилась мужской. Одна из главных причин этого — равноправие женщин. Несомненно также, что изменению женской половой морали сильно способствовали половые диспропорции после войны, постоянный недостаток женихов в молодых возрастах вплоть до недавнего времени (теперь не хватает невест) и опасение остаться одинокой.

Однако последствия сексуальной «свободы» для женщин существенно иные, чем для мужчин. Многие вынуждены одни, без мужей, воспитывать своих детей, другие — делать аборты, что при первой беременности может привести к бесплодию на всю последующую жизнь.

Многим добрая половая жизнь портит будущее — не только собственное, но и детей.

К сожалению, многие девушки начинают половую жизнь слишком рано. В Перми много шестнадцати-семнадцатилетних матерей. При этом доля матерей-одиночек среди забеременевших в этом возрасте наиболее высока — 34 процента.

Заметим, что в последнее время рождаемость у самых юных женщин очень сильно выросла. На 1000 женщин в возрасте от 15 до 20 лет в 1965—1966 годах по стране в целом приходи-

КЛУБ
МУЗЫКА
С ТОБОЮ

ПРОСТОРОЙ ПЕСНИ НАШЕЙ

В адрес музыкального клуба приходит множество писем с одинаковой просьбой — рассказать о фольклорном ансамбле. Предоставляем слово Владимиру НАЗАРОВУ.

— Меня все спрашивают: «Почему фольклор? Откуда это в тебе? Почему не ВИА? Ты же молодой человек, а тебя в какую-то старину тянет?» Будто фольклор — пропыленный и затянутый паутиной музейный экспонат, который и руками-то трогать нельзя! А ведь это доброжелатели говорили. От ошибки старались уберечь. А я старался по возможности никого не слушать. И ни в какие дискуссии не вступать. Организовывал ансамбль. Думал: сцена рассудит.

Все началось с детства. Жил я в городе Новожиловске, что в Днепропетровской области. В городе, а не в деревне. Хотя почему-то традиционно считается, что именно в деревне, и только в деревне, живут любители народной музыки. Как видите, это не так.

Все мои знакомые, соседи, родственники пели. И пели в основном народные песни. А так как городок наш интернациональный — в нем живут русские, украинцы, молдаване, цыгане, — то и песни я слышал молдавские, русские, цыганские... Я словно жил постоянно в атмосфере музыкального фольклора, вырос в ней.

Первые уроки музыки мне преподавал наш сосед дядя Гриша Чуваев — дядька Грицько. Он играл на гармошке. Другой наш сосед — на скрипке, мама брала гитару... Иногда приезжали мои дяди по матери. Они пели украинские песни. И как пели! Азарт в их исполнении был, и любовь, и ирония. И самоирония. Но это я, конечно, уже сейчас понимаю. А в те годы лишь слушал с восхищением да подпевать старался...

Вот в обстановке таких, вовсе не богатых по сегодняшним меркам, но зато дружных песенных собраний я и вырос. Когда же пришло время выбирать профессию, вопро-

сов не было — только музыка. И только народная. К тому времени я уже окончил музыкальную школу по классу баяна — влияние дяди Гриши. А потом, отслужив в армии, поступил в Московский государственный институт культуры на факультет оркестрового дирижирования. И тут у меня тоже не возникло никаких сомнений — буду заниматься народными оркестрами.

На факультете я довольно быстро нашел соратников из своих однокурсников. Представьте себе, не все стремились в супермодные, тогда лишь недавно появившиеся и потому особенно привлекательные вокально-инструментальные ансамбли. Нас было семь человек, и мы организовали русский инструментальный ансамбль «Жалейка». Я стал его руководителем.

Уже тогда, в 1974 году, мне пришла в голову идея создать ансамбль, который бы исполнял музыку и песни народов СССР, народов мира. Но я понимал, что пока мне этого не потянуть. Ни знаний, ни навыков...

Начали с малого — исполняли только русские песни. Играли на исконно русских народных инструментах — балалайке, жалейке, колесной лире... Причем все инструменты в основном подлинные, не современные. Что, кстати, редкость в других народных коллективах. Русские мелодии там звучат порой на электроинструментах. При соответствующей подаче и аранжировке, наверное, это возможно. Но когда под электроорган распевают русскую народную песню барышни в кокошниках и молодцы в косоворотках, мне становится как-то не по себе... Мы играли лишь на народных инструментах.

Много гастролировали. По Союзу, за рубежом. Выступали на Международном фестивале молодежи и студентов в Гаване. Стали лауреатами. В 1979 году заняли второе место на Всероссийском конкурсе исполнителей русской народной песни. Первое место занял оркестр имени Осипова. А в 80-м году я отменил

все зарубежные гастроли нашего ансамбля. Мы начинали новую жизнь...

Пришло время воплощать мечту. Создавать ансамбль фольклорной музыки народов мира. Я уже знал примерно, что мне надо. Знал, каким я хочу видеть свой ансамбль. Колесил по городам страны, покупал необходимые для работы инструменты. Разыскивал, уговаривал, торговался... Так постепенно создавалась наша коллекция музыкальных инструментов разных народов. Сейчас в ансамбле пятнадцать человек, я шестнадцатый, а играем мы примерно на ста различных инструментах. Музыканты у нас в равной степени владеют русской балалайкой и латиноамериканской чаранго, украинской окариной и армянским дудуком, молдавским наем и литовской бирбинес, банджо и гитарой... Зарубежные инструменты мы собирали, находили где-нибудь на гастролях.

Я понимал, что малыми силами нам придется играть на многих инструментах. Поэтому нужна была основа. Пришел Александр Чалый — флейтист. Значит, ему трудно научиться играть и на других флейтовых. Есть гитарист, будет играть и на банджо. Ударник — на бомбо, на бонги... И так далее.

По этой системе и подбирали музыкантов. А попали все к нам по-разному. Тамару Сидорову «нашел» случайно. В коридоре Москонцерта. Спросил у приятеля, не знает ли он хорошего скрипача. Он показал на стоявшую рядом Тамару. Она тогда в каком-то ВИА гастрольно играла. А Александр Евтеев пришел по распределению из института Гнесиных. Пришел и остался. С Ириной Гуцовой познакомился в Гаване. Она пела в ансамбле политической песни Университета дружбы народов...

Странное у некоторых отношение к фольклору. С одной стороны, его всячески пропагандируют, превозносят, объявляя его чуть ли не единственной музыкой, которую стоит слушать. С другой, как я уже говорил, делают из него подобие му-

зейного экспоната. Отойти, не трогай руками — это фольклор.

А что такое фольклор на самом деле? Это искусство, говорящее с людьми на понятном им языке. Говорящее о чем-то близком, сокровенном. О боли, о счастье, о любви... Призывающее поплакать или посмеяться. Без форсирования голоса, без надрыва. Это подлинно народное, демократичное искусство.

Оно для тебя лично. И для всех. И не надо думать, что фольклор — это только «преданье старины глубокой». Фольклорные песни рождаются и сегодня, сейчас. Это и Окунжава, и Высоцкий, и песни, рожденные на конкурсах самодеятельной песни...

Фольклор в принципе и есть самодеятельная песня. Иногда мы не можем определить ее авторство. Иногда, как в случае, допустим, с «Ямщик, не гони лошадей...» или «Эх, полным-полна моя коробочка...», авторы известны. Но она все равно стала народной.

Молодежь в общем-то не любит фольклорные песни. Не любит, потому что имеет о них превратное представление.

Вот молодой человек приходит на выступление какого-нибудь ансамбля или хора. И что же он видит и слышит? Расшитые платя, кокошники в стеклярусе, шелковые косоворотки, застывшие на лицах улыбки, минимум динамики... Но в одеждах таких давным-давно никто не ходит. Фальшь современный зритель тоже распознает сразу. Не годятся и медленные проходы: кумир молодежи — ритм. Из-за этого и песни, которые поют на сцене, кажутся молодым людям нереальными, неинтересными. Они не трогают, не попадают в унисон чувств, мыслей...

Во многих ансамблях об этом не думают. Не хотят думать. Они избалованы зарубежными гастролями. Мол, там-то успех, а здесь просто заелся, не понимают. Такой «зарубежный» успех портит артистов. Ведь он зачастую объясняется му-

В 1881 году один из корреспондентов убежденного реакционера обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева писал своему идейному вождю: «Чудовищное оправдание Веры Засулич дало дерзость и силы нашим нигилистам. Теперь одно и главное — строгость, беспощадная строгость, казнь, заключение, ссылка...»

Оправдательный приговор Вере Ивановне Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, вынесли присяжные заседатели под председательством тридцатичетырехлетнего судьи Анатолия Федоровича Кони (1844—1927). Суд над Верой Засулич и последовавший за ним период опалы навсегда поставили его в оппозицию к царизму.

А. Ф. Кони был сыном известного русского драматурга и театрального критика Федора Алексеевича Кони и актрисы Сандуновой (Ирины Семеновны Юрьевой). Выдающиеся ораторские способности, недюжинный ум, эрудиция позволили Кони занять особое положение в судебном аппарате России. Он был сенатором, членом Государственного Совета и в то же время признавался одному из близких своих друзей: «Друг мой, я вижу, что сделал величайшую ошибку, пойдя в Сенаторы. Я совершил нравственное самоубийство, приняв это звание».

Будучи дружен с И. А. Гончаровым, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, Н. А. Некрасовым и многими другими выдающимися современниками, Анатолий Федорович и сам обладал ярким литературным дарованием, проявил себя как последовательный реалист.

Кони не покинул Родину после революции. С увлечением, достойным молодого человека, руководил кафедрой в университете, читал лекции рабочим, солдатам, студентам, школьникам. В 1924 году Академия наук торжественно отметила 80-летие своего почетного члена.

История, о которой рассказано ниже, — лишь небольшой эпизод из биографии выдающегося русского юриста. Но в частном, казалось бы, факте личной жизни, как в фокусе, сконцентрировались нравственные убеждения Анатолия Федоровича Кони, его высокие моральные принципы. В свое время Кони написал работу «Нравственный облик Пушкина», справедливо считая, сколь важно для потомков иметь правильное суждение и об этой стороне жизни великого поэта. Небезынтересен для нас и моральный облик самого А. Ф. Кони. Такие люди, как он, несли в себе те высокие нравственные ценности, которые и поныне являются неотъемлемой частью духовно-морального богатства нашего народа.

ДЕЛО ЕВГЕНИЯ Ж.

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Он предвидел это несчастье. Еще в июне 1869 года — шутка ли! Почти за десять лет до случившегося писал Наденьке Морозкиной из богемского курорта Франценсбада¹, куда загнала Анатолия Федоровича болезнь: «Я много рассказывал тебе о своем брате, о его способностях, талантах и отличном сердце. Он давно уже стал на ложную дорогу, и в Варшаве я убедился, что почти невозможно его с нее сдвинуть. Отвычка от труда, отсутствие серьезных интересов, какая-то эгоистическая беспечность, шаткость воли, доведенная до крайних пределов, и стремление во всем себя оправдывать — вот те печальные свойства, которые, кажется, способны будут затупить в нем большую часть его добрых начатков». И дальше следует удивительное признание. Удивительное, потому что биографы Кони не раз обращали внимание на то, что в переписке его родителей можно найти интересные размышления по поводу воспитания сыновей. Но еще никого не удалось воспитать одною лишь теорией. «...всего больней в этом то, что я с горечью могу и имею право упрекнуть во многом, что портит Евгения, моих стариков... В нас развивали ум, забывая вовсе сердце и характер, и, откровенно говоря, среди двух-трех семян ума посеяли немало плевел душевной нивы. Видит бог, что я не хочу корить моих стариков — я благодарю их за их доброту, я люблю их, — но горькие воспомина-

ния против воли теснятся в моей груди и мучительно сжимают сердце. Как-нибудь я расскажу тебе подробно мое детство, и ты сама увидишь, как много права имею я жаловаться на пропавшие бесследно годы. Скажу одно — в 14 лет я вырвался из дому и стал выработываться сам (ничего сказать — хорош выработался!), Евгений остался и стоит теперь на весьма шатком пути».

8 февраля 1879 года, с трудом собравшись с силами после похорон отца и неприятных, возмущающих его чувствительную, ранимую душу деловых переговоров с кредиторами покойного, Анатолий Федорович писал Евгению: «Нервы мои очень расстроены — и всем, что предшествовало смерти отца, и процессом, который я вел в это время², и тягостными заботами погребения. Трудно себе представить, сколько последние представляют подрывающего душу и оскорбляющего ваволнованное чувство. Для меня потеря нашего старичка гораздо чувствительнее по многим причинам: с ним я потерял единственное, глубоко и бескорыстно привязанное сердце, которому не раз приходилось страдать от моих, быть может, и справедливых, но больных для него рассуждений. Притом — я его больше видел и чем ты в последнее время, и теперь, читая его переписку, разбирая его бумаги, я вижу его как живого, с его добрым, любящим, всепрощающим сердцем, — с его благородным умом и деликатностью. Повторяю — я ужасно тоскую по нем и ни в чем, ни в труде, ни в кругу людей, ни в одиночестве не нахожу возможности хоть на минуту забыть о его утрате. Однако, как ни горько, надо глядеть в глаза действительности».

А действительность была не из приятных,

² Процесс по делу Юханцева, кассира Общества взаимного поземельного кредита.

требовала суеты, длинных и нудных переговоров с кредиторами — отец имел около девяти тысяч серебром долга (и поэтому Анатолий Федорович писал брату, что принимать наследство — невесть какое личное имущество — не следует). Педантично перечисляет он расходы по похоронам и в конце прибавляет, что если разделить расходы поровну, то с каждого приходится по триста тридцать пять рублей...

Да, и еще один вопрос, Анатолий хотел бы знать, как отнесется Евгений к такой надписи на могиле старика: «Ф. А. Кони, литератор. (Это почетное звание все более и более исчезает.) Род. 9 марта 1809 — скончался 25 января 1879». И на обороте: «Любовь все терпит, все покрывает, всему верит, на вся надежду имать и вся переносяще».

Ответа на свои вопросы Анатолий Федорович получить не успел. Пришло лишь запоздавшее в пути письмо Евгения — отклик на смерть отца: «Горькие дни проживаем мы с тобою, дорогой друг мой, голубчик Толя! Как ни приготовляешь себя к удару, как ни ждешь его — а все-таки удар бьет неожиданно и больно. Бедный старичок! Одно только и утешительно, это что он перестал страдать и что все, что зависело от нас, к облегчению его — было сделано... Бедный ты голубец — все хлопоты и вся тяжесть этих... забот пала на тебя одного, и без того крайне занятого! Мать плачет — но благо-разумно сейчас она согласилась не ехать в Спб. Дорогой мой, я предоставляю тебе сейчас мой очаг и мои средства в полное твое распоряжение относительно дальнейшего устройства девочек и всего, что касается покойного отца. Как ты порешишь — так и будет исполнено... Поздравляю тебя с наступающим днем рождения, — дай бог, чтобы это был первый и последний день при такой грустной обстановке».

Ни очагом, ни средствами брата Анатолий

Переписка Анатолия Федоровича Кони с братом Евгением хранится в Пушкинском Доме (Институте русской литературы) в Ленинграде.

¹ Ныне — Франтишковы Лазне.

окончанием своих истерзанных нервов. И независимо от того, что именно — случайность или их горячее желание, чтобы он ожил, — вернуло его к жизни, она была рада, ибо, хотя это еще больше осложняло ее жизнь, хотя за ней гнались сейчас полицейские машины, она чувствовала, что... лучше его никого нет.

Подпрыгивая внутри пластиковой трубы, судорожно вцепившись в ее ребра, двое снова и снова пытались вскарабкаться в фургон. Навверху, откуда шла труба, они видели Эллиота; он, лихорадочно спеша, что-то делал.

«Ой-ой, — подумал один из агентов, — уж не отцепляет ли мальчишка трубу?»
Через мгновение оба агента барахтались, запутавшись в пластике, посреди улицы, а фургон от них удалялся.

Майкл воевал с управлением мчащегося фургона.
— Мы уберемся, Эллиот! — крикнул он через плечо. — И еще мне никогда не дадут водительские права!

Его изумляло, как это другие машины, столкновения с которыми, казалось, уже не избежать, ухитряются уйти в сторону, а он благополучно мчится дальше. Эллиот между тем взобрался на ящики к подпрыгивающему свинцовому гробу Ипа, открыл его и расстегнул пластиковый мешок.

Ип сел, стяхнул с себя сухой лед и огляделся вокруг.

— Ип звонить домой.
— За тобой летят? — спросил Эллиот.
Зипп зипп звук-звук...
Глаза Ипа горели, но еще ярче горел свет-его-сердца, отвавший Эллиоту сиянием, которое наполнило весь фургон.

Не сбавляя скорость, Майкл свернул с улицы на боковую дорогу, поднимавшуюся на холм, который местные жители называли Наблюдательным Пунктом. И с Наблюдательного Пункта наблюдала сейчас вся компания игроков в «Подземелья и драконы» — именно им он звонил за полчаса до этого. Они приехали на велосипедах, захватив еще два складных велосипеда с собой, и теперь ждали.

Въехав на вершину холма, фургон резко остановился, и Майкл с Эллиотом помогли Ипу спуститься на землю.

«Подземельщики» (Грег, Тайлер и Стив) стояли, разинув рот, и смотрели, как к ним ведут маленькое страшлище.

— Он из дальнего космоса, — сказал Эллиот, — и мы отвезим его к кораблю.

Хотя «подземельщики» уже совсем ничего не понимали, они помогли усадить Ипа в корзину на велосипеде Эллиота, а потом вместе с Эллиотом помчались по одной из четырех дорог, спускавшихся с Наблюдательного Пункта.

Впереди несся Тайлер, его длинные ноги сгибались и разгибались с головокружительной скоростью. Он посмотрел через плечо на немислимое существо в корзине и Эллиота и завертел педалями еще усерд-

ней, чтобы как можно скорее избавиться от ЭТОГО, что бы ЭТО ни было. А то размножится, и что тогда делать?

— Эллиот! — взвизгнул Грег. — Что... что...

Но язык его не слушался, и он, крутя педали изо всех сил, только и мог изумленно пускать слюну. Рядом с ним склонился над рулем своего велосипеда Стив, на голове — шапка с крылышками, ветер их откинул назад. Стив тоже посмотрел на страшлище, и почему-то у него исчезли все сомнения в том, что оно, что бы ЭТО ни было, причастно к тому, что сестренка заставляет человека печь для нее из глины пирожки. Детали он выяснит потом. Но сейчас он решил, и решил твердо, до конца жизни держаться подальше от всех сестер, даже от своей собственной. От сестер можно ждать чего угодно. Он пригнулся еще ниже к рулю; ноги на педалях взлетали, как птицы, а юное сознание Стива терзали вопросы, ответов на которые у него не было.

Едва исчезла эта странная группа велосипедистов, как верхушка холма ожила снова: ее заполнили машины полиции и машины, принадлежащие ведомству Ключника; среди них была и машина Мэри. Машины, визжа тормозами, окружили фургон и остановились; из них высочили вооруженные полицейские. Выскочила из своей машины и Мэри и бросилась к полицейским, крича:

— Не трогайте их, это дети!
Голос ее звенел напряжением и страхом, накопившимся за многие месяцы, и казалось, что она на грани помешательства; полицейские растерянно уступали ей дорогу.

Эта заминка позволила велосипедистам еще больше увеличить расстояние между ними и преследователями; те все еще осматривали снаружи фургон и сухой лед, который из него сыпался. Но когда двери фургона распахнули, все увидели, что внутри никого нет.

Тут из-за кустов появилась еще одна фигура, почувствовавшая каким-то непонятным образом, что сегодня вечером на Земле нет места более важного, чем это.

— Они на велосипедах! — завопил Лэнс. — Я знаю, куда они поехали!

Мэри зажала рукой полный торчащих наружу зубов рот маленького всезнайки и втащила того в свою машину. Но Лэнс опустил окошко и закричал:

— Гоните на озеро, они поехали на ту сторону озера!

И полиция вместе с агентами, работавшими в ведомстве Ключника, отбыла к озеру.

Лэнс повернулся к Мэри:
— Нам нужно в лес, я покажу вам, куда.
— Но... а к озеру?

Если я и всезнайка, то это еще не значит, что я дурак.

Ип и компания мчались по извивающемуся шоссе. «Подземельщики» то и дело оглядывались на Ипа, но вопреки разуму, ошеломленному его видом, сердца их громко, хоть и безмолвно, говорили им другое: что он их друг и что наконец они играют в Игру с большой буквы. И они еще яростней нажимали на педали, везя Ипа к месту, где его ждала судьба.

Полицейские машины огибали в это время озеро, проезжали мимо кемпингов, коттеджей, мимо домика, в котором жил сторож автомобильной стоянки.

— Нет, никто не проезжал... — Сторож, разинув рот, тарасился на машины.

Завертели рули, в сторожа полетели из-под колес грязь и камни, и группа захвата поползла по грунтовой дороге вокруг озера назад на асфальтированное шоссе.

«Куда теперь?» — думал водитель головной машины.

У этого сержанта полиции дергалось веко, дергалось с утра, и казалось, будто оно сигнализирует. Так же судорожно, как веко, дернулись руки сержанта и повернули руль влево, повинувшись приказу локатора, который работал сейчас у него в голове.

Остальные машины последовали за первой и теперь неслись назад по шоссе. Люди из ведомства Ключника настояли на сложном прочесывании: шла большая охота, и нужно было исключить любые случайности.

— Развилка... разъезжаемся...
Переговариваясь по рациям, полицейские машины разъезжались в разные стороны, образуя веер, проходивший через сетку улиц, и веер этот, прочесывая квартал за кварталом, вращался, открывался, складывался.

— ...поворачивай, поворачивай...
Дергалось веко, и дергались автомобильные колеса, снова и снова поворачивались на неосознаваемый сигнал, а шел этот сигнал к водителям от преследуемой ими жертвы, инопланетянина, чей психический радар, лихорадочно обшаривавший небеса в диапазоне теплепатической связи, сейчас ощущали даже камни.

Ип, вцепившийся длинными пальцами в проволочную сетку, подпрыгивал в корзине Эллиота. В голове у него жужжали сигналы: знакл нерк нерк знакл ты нас слышишь?

Да, мой Капитан. Очень прошу вас, поспешите, зингг зингл нерк нерк.

Длинные ноги Тайлера слились с педалями в одно колеблющееся пятно, выкачивая из велосипеда все его десять скоростей; Тайлер по-прежнему несся впереди, а сразу за ним, сгорбившись над рулем, Майкл. Сейчас Майкл услышал звук полицейской сирены, пока еще слабый.

— Догоняют!
Взгляд его метнулся к Эллиоту.

— В проезд между домами! — закричал Эллиот.

И ринулся вбок, а за ним повернули все остальные. Тонкие резиновые шины взвизгивали, подпрыгивая на разбитом асфальте узкого, как коридор, проезда; проезд этот был кратчайшим путем к дальним холмам, до которых нужно было добраться и которые сейчас казались далекими, как никогда.

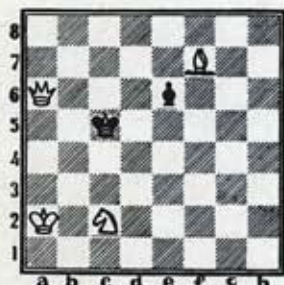
27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

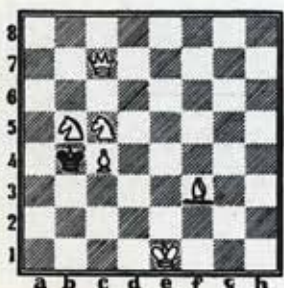
У ФИНИШНОЙ ЧЕРТЫ

Многие участники предыдущей нашей олимпиады в своих письмах просили организаторов соревнования не слишком усложнять задания последних туров, чтобы как можно большее число шахматистов сохраняло интерес к борьбе на финише, и борьбе за главные призы олимпиады. Как видите, мы учли эти пожелания. Задания повышенной трудности были по возможности равномерно распределены по номерам в ходе всего соревнования. Задания же сегодняшнего, предпоследнего, тура имеют средний коэффициент трудности и вряд ли испортят настроение перед решающим туром тем, кто борется за победу в олимпиаде «Смены».

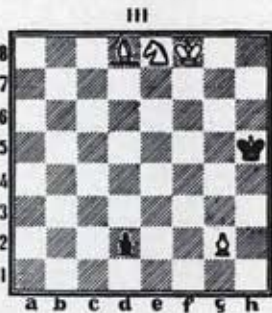
Тринадцатый тур

Белые: Кра2, Фа6, Сг7, Кс2 (4)
Черные: Кр5, п. е6 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Кре1, Фс7, Сг3, Нь5, Кс5, п. с4 (6)
Черные: Кр7 (1)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Кре8, Са8, Ке8, п. г2 (4)
Черные: Кр5, п. d2 (2)
Белые начинают и делают ничью (2 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «27-я шахматная олимпиада, 13-й тур». Решения всех заданий необходимо привести полностью. В ответах на задания последних двух туров просим всех участников указать также фамилию, имя и отчество, профессию и спортивный разряд.

Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 15 октября.

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера БССР Виктора КРАМАРЕНКО

ЧЕМПИОНАТ МИРА НА МАЛОЙ ДОСКЕ

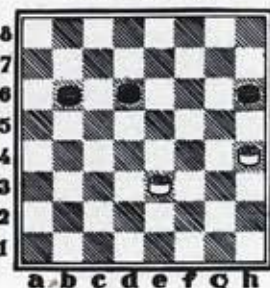
«Уважаемая редакция! В «Смене» № 3 за 1985 год в материале «Высшие титулы» у советских шашкистов рассказывалось о том, что все высшие титулы завоевали советские шашкисты. Но там ничего не говорилось о чемпионате мира на 64-клеточной доске. Расскажите, что это за игра. С уважением — Н. Смирнова, Запорожье».

Многие века шашкисты, играющие на маленькой доске, мечтали провести чемпионат мира. Национальные

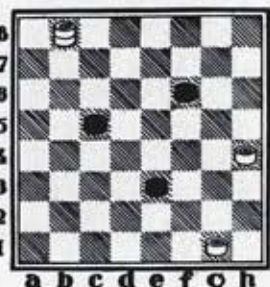
различия в правилах игры препятствовали этому. И вот Международная Федерация шашек приняла решение провести первый чемпионат мира на 64-клеточной доске по унифицированным правилам. Соревнования проходили в Италии. Спортсмены играли на маленькой доске по правилам международных шашек. Нашу страну представляли москвич А. Кандауров и рижанин В. Вигман. Оба они были чемпионами СССР по русским шашкам и играют в международные шашки. Выбор оказался удачным: Александр Кандауров стал первым чемпионом мира, а Владимир Вигман завоевал серебряную медаль, на третьем месте — бразильский шашкист.

Тринадцатый тур

1. А. Бутневич

2. Д. Калинин

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 4 балла).

Ответы на задания тринадцатого тура присылайте не позже 15 октября. Слева вверху на открытке сделайте пометку «3-я шашечная олимпиада, 13-й тур, «64», и свой регистрационный номер. Каждое задание выполняйте на отдельной открытке — так легче вести учет и проверку.

Рисунки А. РАДИНА, Москва

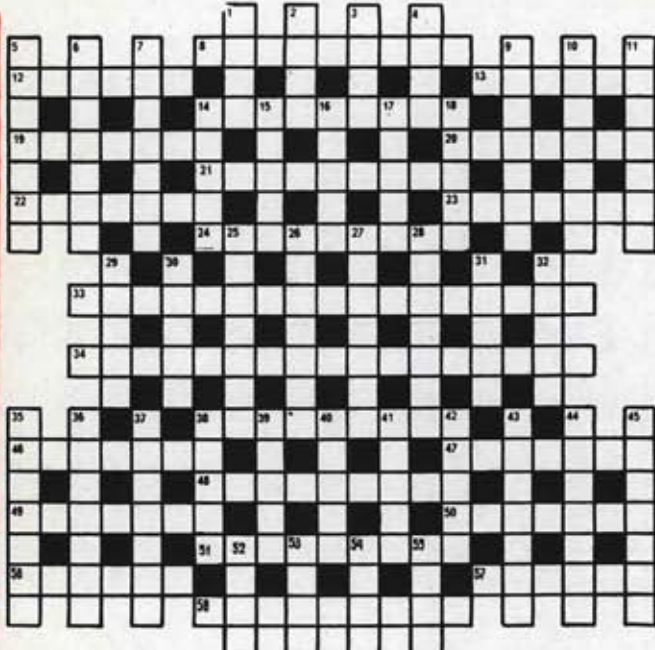

Рисунок В. ОРЛОВА, Подольск

МАЛЬЧИКИ ВСЕ КОНЧИЛИСЬ, ЗАЙДИТЕ В КОНЦЕ МЕСЯЦА!

КРОССВОРД

Составил Л. СЕРГЕЕВ, Москва

По горизонтали:

- Опера П. И. Чайковского.
- Выпуклое изображение на плоскости.
- Привычка, образ действия.
- Спортивная игра.
- Точное кратное определение правила, закона.
- Правосудие.
- Сальери по отношению к Моцарту в трагедии А. С. Пушкина.
- Роман Ж. Санд.
- Минерал, разновидность талька.
- Расцветка.
- Улучшение, приближение к идеалу.
- Бытовой прибор.
- Способ лечения.
- Материал для книжных переплетов.
- Древнегреческий философ-стоик.
- Английский живописец XVIII вена.
- Индийская антилопа.
- Крупное африканское животное.
- Вымогатель.
- Один из первых русских военных летчиков.
- Разновидность гармони.
- Ответственный за гонимых в псовой охоте.

По вертикали:

- Приток Сены ниже Парижа.
- Возвышенность.
- Автор романа «Тайственный остров».
- Межи деревни, а поля стеклянные.
- Один из пионеров отечественной гидроэнергетики.
- Автор романов «Дипломат», «Опасная игра».
- Народный избранный.
- Другое название барса.
- Девушка, член подпольной организации «Молодая гвардия».
- Певчая птица.
- Место торговли.
- Горный курорт в Швейцарии.
- Город в Мордовии.
- Жизненная активность, деятельность.
- Река в Читинской и Амурской областях.
- Роман Мехти Гусейна.
- Продолговатое углубление на детали, изделии.
- Коралловый полип.
- Жители одного из древнейших селений в Орловской области.
- Английский физик и химик, создатель барометра.
- Осненок при рубке дров.
- Специальность строителя.
- Диная утка.
- Сумка для карт.
- Древнегреческое стихотворение о сельских жителях.
- Научное предвидение, предсказание.
- Представитель народа, живущего на Кавказе.
- Австрийский композитор, автор оратории «Времена года».
- Пушной зверек.
- Выдающийся памятник средневекового зодчества близ Хабури.
- Старинное название рубина и сапфира.
- Штат США.
- Вид изобразительного искусства.
- Цитата, предпосланная произведению.
- Поэт-певец у народов Средней Азии.
- Польза, прок.
- Страх, ужас.
- Краткая застольная речь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 15

- По горизонтали:
3. Фрост. 6. Шлейф. 8. Олимп. 9. Баритон. 10. Ордовик. 12. «Нерон». 13. Строфика. 14. Контроль. 15. Желна. 18. Матрац. 22. Хартия. 25. Верстка. 26. Сноплет. 27. Ленция. 28. Туполов. 29. Тагалы. 32. Абанан. 36. Айман. 39. Импортёр. 40. Вереница. 41. Аорта. 42. Тренинг. 43. Застава. 44. Волна. 45. Кошчи. 46. Рдест.
- По вертикали:
1. Доктрина. 2. Берданна. 3. Форпост. 4. Тоннаж. 5. Нигрол. 6. Шпонна. 7. Фаворит. 9. Битум. 11. Колея. 16. Европий. 17. Натална. 19. Аккра. 20. «Репка». 21. «Цветы». 22. Халва. 23. Ракиша. 24. Ижица. 29. Томат. 30. Гротеск. 31. Латвиеши. 33. Борисфен. 34. Контакт. 35. Ницца. 36. Араган. 37. Мораль. 38. Квазар.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 03.07.85. Подписано к печати 17.07.85. А 04473. Формат 70x108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 1918. Заказ № 1145. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Молодежная мода

требовала, и больше предлагала, приглашала к размышлению над своим эстетским видом, явилась и даже озорной фантазии. Фантазия — это прекрасно. Но как сочетать ее с конвейерным производством? Как соединить, собрать в одно целое творческий почерк художника и производственный план предприятия лег-кой промышленности?

Почти двадцать лет тому назад, в 1967-м, у нас в ГДР была создана рабочая группа «Молодежная мода». Она состояла из 25 художников — работников торговли и промышленности, художников-модельеров. Они разработали и предложили первую коллекцию. После 1968 года в девяти Центрах молодежной моды. Сегодня такие центры существуют в каждом районном городе, появились специальные отделы молодежной моды в крупных универмагах.

Как мы работаем сейчас? Говорят, что мода капризна и ее долгосрочное развитие непредсказуемо. Об этом можно спорить сколько угодно, но если мы хотим что-то увидеть на прилавках через год-два и при этом в достаточном количестве, мы обязаны хоть немножко, но быть «провидцами».

Фантазия хоть и эволюционировала, но должна оставаться в моде. Мы не можем не думать о возможностях, которыми располагаем. Изучая тенденции, мы должны оказывать влияние на производство, мы должны не только определять, ставить задачи, но и барьеры — и, предлагая самые смелые решения, которые принимаются в моде. Мы не можем не думать о возможности, которыми располагаем. Изучая тенденции, мы должны оказывать влияние на производство, мы должны не только определять, ставить задачи, но и барьеры — и, предлагая самые смелые решения, которые принимаются в моде.

Короче говоря, наш основной лозунг: давайте сообща, все вместе, художники, производители, продавцы, наши покупатели, те, кто одевается, и те, кто одевает, — давайте думать, со-зависать друг с другом, спорить о том, какой должна быть одежда молодого человека наших дней.

Ясно одно: мы все хотим получать от моды радость. Да здравствует вкус, далой ограниченность и предвзятость! И пусть исчезнет из наших разговоров (об одежде) неприятное слово «дефицит».

Фото Штефана ХЕССХАЙМЕРА

ОБАЯНИЕ ФАНТАЗИИ

Кристина ФРАНКЕ,
руководитель ателье молодежной моды
Института моды ГДР

Если попытаться в двух словах сформулировать наш представления о молодежной моде, то нужно будет, вероятно, прежде всего уточнить некоторые понятия. Молодежь, принято считать, это люди в возрасте от 15 до 25 лет. Но 15-летний — это не 25-летний, и потому творцы молодежной моды делят тех, кого они намерены одеть (или научить одеваться), на две категории: от 15 до 17 и от 18 до 25 лет. Молодежная мода — это мода для всех возрастов от 15 до 30; «золотой» середины, которой эстетической «абсолютной истины» не существует. Однако одно из ее ярко выраженных тенденций и импринт — делая одежду на повседневную, удобную, приносящую пользу и отдых и в какой-то смысле полезную ответственную, для особых случаев, молодежная мода с ее стремлением к демократичности, к доступности для всех и для любого возраста. И здесь очень важно, что утверждалось не что-то единое, «униформированное» — нет, рядом со спортивным стилем утвердилось чуть ироничная наставка, мода меньше

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820